

А. И. Осипов

НУЖНА ЛИ СВЯТОСТЬ ЧЕЛОВЕКУ?

Издательство
Московской
Патриархии
Русской
Православной
Церкви

Православие в жизни

Алексей Осипов

Нужна ли святость человеку?

«Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви»

2015

УДК 242
ББК 86 372

Осипов А. И.

Нужна ли святость человеку? / А. И. Осипов — «Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви», 2015 — (Православие в жизни)

Что такое православная святость? Как она приобретается? Что представляет собой святой человек? Автор, заслуженный профессор Московской Духовной Академии, отвечает на эти вопросы, опираясь на святоотеческое учение. Но как современному человеку применить опыт святых отцов для устройства собственной духовной жизни? Неоценимую помощь здесь может оказать пример подвижников, близких нам по времени, глубоко изучивших творения святых отцов и своей жизнью доказавших истинность православного пути к святости. Один из таких духовно опытных подвижников XX века – игумен Никон (Воробьёв; †1963). Книга содержит жизнеописание игумена Никона и его наставления, которые помогают лучше понять духовную жизнь в Православии и осознать опасности, подстерегающие верующего на пути к Богу.

УДК 242
ББК 86 372

© Осипов А. И., 2015
© Издательство Московской
Патриархии Русской Православной
Церкви, 2015

Содержание

Путь к святости [1]	6
«Я искренне всегда стремился к Богу»	16
Из писем игумена Никона	37
Из интервью с проф. А. И. Осиповым	50

Алексей Ильич Осипов

Нужна ли святость человеку?

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р15-501-0012

А. И. ОСИПОВ, *заслуженный профессор Московской Духовной Академии*

Путь к святости ¹

Как точно показаны главные пороки человека в искушениях Христа во время Его сорокадневного поста! Дьявол предлагает Ему камни превратить в хлебы; дать все царства мира за поклонение себе; и, наконец, совершить уже откровенно безумный поступок: чтобы показать Свое Божественное достоинство, гордо броситься с крыши храма. Любимый ученик Христа апостол Иоанн в этих искушениях видит выражение самой сущности так называемого мирского содержания жизни, оторванной от мысли о Боге. Он пишет: *Всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин. 2: 16).

Преподобный авва Дорофей (VI век) разъясняет эту мысль в более конкретных понятиях, усматривая сущность этих искушений в трех самых основных страстях: сластолюбии (стремление к наслаждению), сребролюбии (желание богатства), славолюбии (жажда славы и власти), и указывает, что все они исходят из одного источника – гордости.

Евангелие сообщает о том, как Христос отверг все их, противопоставив Свой путь жизни человека пути мира: 1) *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим* (Лк. 4: 4), 2) *Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи* (Лк. 4: 8), 3) *не искушай Господа Бога твоего* (Лк. 4: 12).

Но человечество в целом живет именно этими страстями, культивирует их и жаждет их исполнения как в личной, так и в общественной жизни. Целые философские системы обосновывают их ценность, всё научно-техническое развитие направлено на их максимальную реализацию.

Однако история жизни как отдельного человека, так и целых народов и всего человечества ярко показывает, к каким пагубным последствиям приводит такое исключившее Бога из жизни мировоззрение. Оно становится опаснейшим врагом человека. Ибо алчность, жажда власти и гордыня, став господствующими в душе, в самом корне разрушают ее, порождая вражду, ненависть, зависть, убийства, предательства и прочие бедствия, нарушая мир между людьми и народами. И никакая внешняя власть не в состоянии остановить это зло: ни мудрый законодатель, ни гениальный философ и ученый, ни политик, насытивший народ хлебом и зрелищами. «...Ни в каком устройстве общества, – писал Ф. М. Достоевский, – не избегнете зла... душа человеческая останется та же... ненормальность и грех исходят из нее самой...»

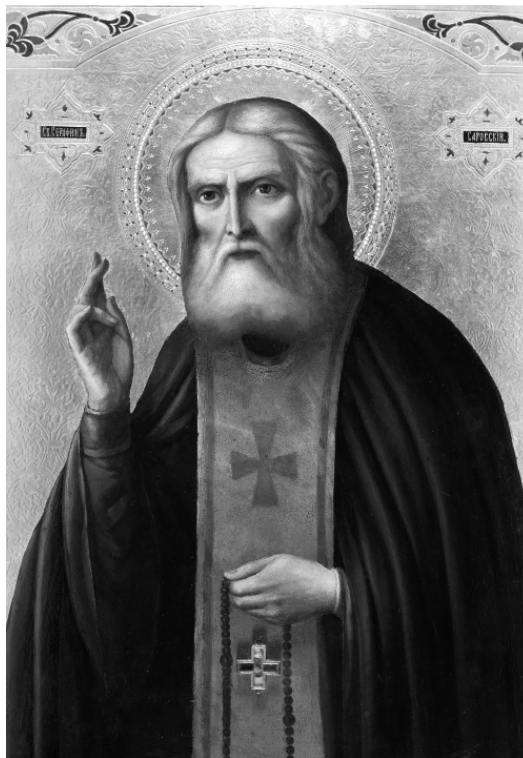
В «Братьях Карамазовых» в уста беса он влагает следующие потрясающие по своей психологической глубине слова: «По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать, – о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречется поголовно от Бога... то само собою, без антропофагии, падет всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог.

<...>...Ему „всё позволено“. <...> Для бога не существует закона! Где станет бог – там уже место божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... „всё дозволено“ и шабаш!»

Православие предлагает совершенно иное видение смысла жизни человека. Оно призывает человека к очищению души от этих разрушительных страстей, открывает путь к святости. Убедительным свидетельством истинности Православия является множество примеров жизни тех подвижников, которые «мечом и луком» достигали духовного совершенства.

¹ Выступление на конференции «Сергиевские научно-богословские чтения» в МПДА, посвященной 700-летию рождения прп. Сергия Радонежского.

Что же такое православная святость, как приобретается она, каковы ее основные свойства и критерии, что представляет собой святой человек?

Абсолютной святостью является Бог, потому и святость человека есть не что иное, как причастность Богу (см.: 2 Петр. 1: 4), духовное уподобление Ему, обожение, или, как говорил преподобный Серафим Саровский, «стяжание Духа Святого». Главнейшие свойства Бога, которые с особой очевидностью открылись в Боговоплощении и на Голгофе, – любовь и смирение. Степенью приобретения этих свойств определяется уровень святости человека. При этом Священное Писание и святоотеческое учение подчеркивают, что все прочие добрые свойства и добродетели человека получают свое положительное содержание только на твердом фундаменте этих основополагающих краеугольных камней и без них теряют всю свою ценность.

Апостол Павел писал о любви: *Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13: 2–3). О смирении же святые отцы говорят как об основе и источнике самой истинной любви. Насколько оно необходимо в духовной жизни, в кратких и сильных словах сказал, например, святой Исаак Сирий (VII век): «Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели... <...>... Потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание»².

Но как достигается святость?

Прежде чем говорить об этом, необходимо сделать одно существенное замечание. В основе православного рассмотрения любых вопросов веры и жизни лежит обращение к святоотеческому учению как единственно достоверному источнику понимания Божественного Откровения. Причина этого очевидна: только приобщение человека Духу Божию может гарантировать истинность его суждений. И когда определенная мысль высказывается не одним

² *Авва Исаак Сирийнин. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 46. С. 289.*

святым отцом, но многими, то это свидетельствует о том, что она является не мнением человеческим, но откровением Духа Божия и, следовательно, есть сама истина.

Этим критерием Православие принципиально отличается как от католицизма, в котором последним гарантом истины признаётся слово одного человека – римского папы, так и от протестантизма, где вероучение любой общины и даже одного человека оказывается столь же авторитетным, как и любых других, чем полностью перечеркивается само понятие истинности в религии. Это в том и другом случае пагубно отражается и на понимании духовной жизни.

В Православии понятие святости проистекает из единства опыта богопознания великих подвижников древней Церкви. Этот опыт служит объективным критерием в оценке всех явлений духовной жизни и дает возможность христианину правильно оценить собственные духовные состояния. В современных условиях этот критерий особенно важен. Ибо понятие о духовной жизни всё больше подвергается различным инородным влияниям. Мерилом духовности верующего нередко становится не любовь и доброжелательство к каждому человеку, не терпение недостатков ближнего, не честность в поступках, а такое понимание воцерковленности, которое всю религиозную жизнь сводит к исполнению внешних церковных установлений и/или «умовому», по выражению святителя Феофана Затворника, знанию христианского учения.

Отсюда само понимание святости человека приобретает ложный характер. Она оценивается на основании народных слухов, плохо поддающихся проверке случаев прозорливости, исцелений, изгнания бесов, предсказаний и особенно чудес.

Вопрос о чудесах в оценке святости становится чрезвычайно важным, поскольку для верующего, незнакомого с учением святых отцов, чудеса оказываются самым главным доказательством святости человека. Такой верующий даже не подразумевает, что чудеса могут иметь различную природу, исходить не только от святого человека, но и от находящегося в бесовской прелести, и даже от природных способностей человека, то есть могут иметь разные источники, и непонимание этого может привести к трагическим последствиям. Об этом предупредил верующих Сам Господь: *Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам* (Мф. 24: 24–25). Об этой опасности предупреждают и святые отцы. Так, например, преподобный Кассиан Римлянин (V век) писал: «...никто не должен быть прославляем за дары и чудеса Божии... Ибо весьма часто... люди, развращенные умом и противники веры, именем Господа изгоняют демонов и творят великие чудеса»³.

Чудеса, оказывается, сами по себе не являются определяющим признаком святости человека. Нужно крайне осторожно относиться к любым необычным явлениям и – пока нет возможности удостовериться в характере происшедшего и, прежде всего, в духовной целостности совершителя – не спешить принимать их за чудо Божие. Не чудеса свидетельствуют о святости человека, а, напротив, святая жизнь того, через кого они совершаются, – вот что доказывает их истинность.

Но лжечудеса, как правило, происходят с теми, кто ищет чудес или внутренне считает себя достойным видеть и получать их, кто впал в самомнение (прелесть), кто ищет исцеления любой ценой, нисколько не задумываясь о том, каков источник этого исцеления и что принесет оно душе – пользу или вред.

³ Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1892. С. 444.

Один из опытнейших духовных наставников ХК столетия святитель Игнатий (Брянчанинов) подробно пишет о губительности легковерия чудесам и искания их⁴. В одном из своих творений он приводит слова преподобного Кассиана Римлянина: «Чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни». И объясняет, что в отличие от язычников, не думающих о будущей жизни и жаждущих чудес для земного благополучия, христианин должен искать пользы душевной, исцеления от страстей для достижения вечности. Более того, святитель Игнатий, видя языческий настрой народа, предупреждает и предсказывает:

«С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности, знаменосные мужи умалались. Наконец, они иссякли окончательно. Между тем человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся безразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное позорище⁵ многочисленных и поразительных ложных чудес, увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами»⁶.

В одном из писем святитель Игнатий говорит о той страшной беде, которая грядет на наш народ за его легковерность разным чудесам: «Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обувшая соль⁷ (см.: Мф. 5: 13) предвещает их и ясно обнаруживает, что [наш] народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который, наконец, осуще-

⁴ См., например: *Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения.* СПб., 1905. Т. 4. «Беседа в понедельник 29-й недели по Пятидесятнице. О чудесах и знамениях».

⁵ Позорище (*церк. – слав.*) – зрелище. – *Ред.*

⁶ *Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения.* СПб., 1905. Т. 4. С. 323–324.

⁷ Обувшая соль (*церк. – слав.*) – испорченная, потерявшая силу соль. – *Ред.*

свит мысль о всемирной монархии...» Святитель Игнатий называет обуявшей солью состояние Православия в России, гением из гениев – антихриста, и наш народ – орудием его всемирного воцарения.

Как же христианину относиться ко всему, что предстает как чудо? Святитель Игнатий, обращаясь к Священному Преданию Церкви, говорит о необходимости большой осторожности: «Христианские аскетические наставники заповедают не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным: заповедают соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность».

Святитель Игнатий дает замечательный совет: «Святые отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святого. Они завещают, с одной стороны, не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой – никак не верить явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа...» Это предупреждение распространяется на любого христианина, оказавшегося перед лицом необычного явления. Данный совет может быть выражен кратко: «Не хули и не принимай!» Но, увы, ради чуда многие готовы отказаться и от веры своих святых отцов, устремляясь к *иным богам* (Втор. 6: 14).

Часто цитируемый святителем преподобный Григорий Синаит (XIV век) призывает: «никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. <...> Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то... легко... прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого...»

Святоотеческий опыт указывает, прежде всего, на важнейшие критерии правильной духовной жизни. И первым из них является не чудо, не прозорливость и прочее, а видение подвижником своего личного нравственного и духовного несовершенства, своей греховности, глубокой болезненности самой природы человеческой и невозможности лишь собственными силами ее исцеления. Как писал преподобный Петр Дамаскин (VIII век), первым признаком начинающегося здоровья души является видение грехов своих бесчисленных, как песок морской⁸. (Этим, кстати, христианская антропология принципиально отличается как от гуманистической, так и от всех других религиозных антропологий, отрицающих наследственную порчу человека.) В богословии эта «генетическая» поврежденность человека именуется первородным грехом. Это видение необходимо для правильного духовного развития человека по той причине, что без него невозможно приобретение смирения – основы всей духовной жизни.

О безусловной важности смирения говорит грехопадение первого идеально созданного человека. Событие это лежит в основе понимания всего христианского учения о человеке и спасении. Оно показывает, что ни совершенное знание тварного мира и власть над ним, ни богоподобная слава, ни полнота внутреннего и внешнего блаженства, которыми обладал первозданный человек, еще не гарантируют ему непоколебимую твердость пребывания в добре, истине и красоте образа Божия. Забвение им своей несамобытности и в то же время осознание своих совершенств в этом мире может, оказывается, легко привести к возникновению горделивого ощущения себя Богом (см.: Быт. 3: 5), к противопоставлению себя Ему и подвигнуть к безумному бунту против Того, Кем он живет, и движется, и существует (см.: Деян. 17: 28).

Поэтому только личное опытное познание своего несовершенства, проистекающее из опыта правильной духовной жизни, видения своих грехов и той глубокой поврежденности человеческой природы, которую сам человек не в состоянии исцелить никакими подвигами,

⁸ Св. Петр Дамаскин. Творения. Книга первая. Киев, 1902. С. 33.

дает возможность понять необходимость Христа, уверовать в Него как Спасителя и породить истинную веру, «непадетельную», делающую человека святым. Такое духовное состояние именуется смирением и является залогом сохранения человека от возможного повторного отпадения от Бога, дает ему возможность вечного пребывания в Боге-любви.

И, напротив, как пишет святитель Игнатий, «несознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином (хотя бы формально был им. – А. О.). К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою?..»⁹

Как приобретается такое видение себя? Преподобный Симеон Новый Богослов (XI век) отвечает: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи»¹⁰. Это «исполнение» имеет две основные ступени, или два делания: телесное и душевное (духовное). Святой Исаак Сирий так говорит о их соотношении друг с другом: «Телесное делание предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного, потому что последнее рождается от первого, как колос из голого пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовных дарований»¹¹.

Автор жития преподобного Сергия иеромонах Никон, повествуя о последовательности шагов в духовном восхождении Преподобного, также замечает: «Святые отцы строго различают в духовной жизни две степени, два состояния: крест деятельный и крест созерцательный. Первое состояние есть страдательный, многоскорбный, узкий путь креста, время подвига, усилий и борьбы с самим собою – с ветхим человеком, и с врагами спасения – миром и диаволом. Второе состояние есть упокоение сердца в Боге, глубокий мир души, Христовую благодать победившей страсти, очищенной, просветленной, и в таинственном общении с Богом обретшей еще здесь, на земле, залог блаженства небесного»¹².

Прекрасно пишет об этих двух ступенях в духовной жизни преподобный Паисий Величковский (XVIII век). Оценивая духовную жизнь, прежде всего, как внутренний подвиг умной молитвы, он учит:

«...пусть будет известно, что по писанию святых и богоносных отцов наших, есть две умные молитвы: одна новоначальных, принадлежащая деянию, а другая совершенных, принадлежащая видению; та – начало, а эта – конец, потому что деяние есть восхождение видения... Пусть будет известно (говорю к подобным мне препростым), что весь монашеский подвиг, которым, при помощи Божией, понуждался бы кто-нибудь на любовь к ближнему и Богу, на кротость, смирение и терпение и на все прочие Божии и святоотеческие заповеди... на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение молитвы, на плач и размышление о смерти: весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностью называется деянием...»

Когда же кто Божией помощью и вышесказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением, очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышесказанные духовные видения, открывая ему по мере его очищения неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или, по святому Исааку, чистая молитва, от которой – ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно

⁹ *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 378.

¹⁰ Цит. по: *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 9.

¹¹ *Авва Исаак Сирийский*. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 56. С. 399.

¹² *Иеромонах Никон*. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 191.

своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог и благодатию Своей введет в них. Если же кто без света благодати дерзнет восходить на такие видения, тот, по святому

Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не [имеет] видения, мечта и мечтаясь мечтательным духом»¹³.

В статье «Отношение христианина к страстям его» святитель Игнатий формулирует закон духовной жизни, указывающий на последовательность борьбы со страстями: «Некоторые страсти служат началом и причиною для других страстей; таковы: объядение, нега, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолубие, неверие. Последствия их: сладострастие, печаль, гнев, памятозлбие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельного жительства. В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей: последствия их будут уничтожаться сами собой»¹⁴.

Как видим, достижение духовной чистоты и святости требует знания основ и законов духовной жизни, в противном случае неопытный подвижник может легко заблудиться и впасть в мечтательность, в прелесть. Последний термин, часто употребляемый отцами, замечателен тем, что он точно вскрывает само существо ложной духовности: тончайшая лесть себе, самообман, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Поэтому чрезвычайно важно знать, как отличать лжедуховность от истинной святости.

Прелесть обычно «закладывается» в изначально ложной цели, которую аскет ставит перед собой: он может искать откровений, благодатных даров, высших наслаждений, экстаза, или стремиться к познанию тайн того мира, или жаждать славы человеческой.

В Православии искание всего этого решительно воспрещается, поскольку подобное стремление без очищения души от страстей приводит человека к самомнению, духовному сладострастию, гордости и, в конечном счете, к гибели. Святитель Игнатий предлагает такой святоотеческий критерий для различения святости от прелесть:

«Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении.

Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили обьявшаю их души гордость и бесовскую прелесть»¹⁵.

Преподобный Симеон Новый Богослов, рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых», прямо утверждает, что «это есть знак прелесть»¹⁶.

Подобных высказываний отцов Вселенской Церкви можно привести сколь угодно много. Все они едины в том, о чем предупреждал еще апостол Иоанн Богослов: *Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире* (1 Ин. 4: 1).

Значимость этого предупреждения для нашего времени особенно актуальна. В сознание нашего народа сейчас с огромной силой внедряется идея равноценности по существу всех религий, вплоть до самого грубого язычества с его нравственной разнузданностью и извращенством. Мистицизм всех цветов и оттенков широкой волной заливал теперь нашу Русь, некогда святую в стремлении к Богу и как-то защищенную от «свободного» Запада, а ныне открытую для всех духов преисподней.

Но когда для получения плодов святости вместо законного труда исправления и очищения своей души от всякой грязи предлагаются средства «срывания плода» тайных познаний,

¹³ Схимонах Паисий Величковский. Об умной или внутренней молитве. М., 1902. С. 17–19.

¹⁴ Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. СПб., 1905. Т. 1. С. 527.

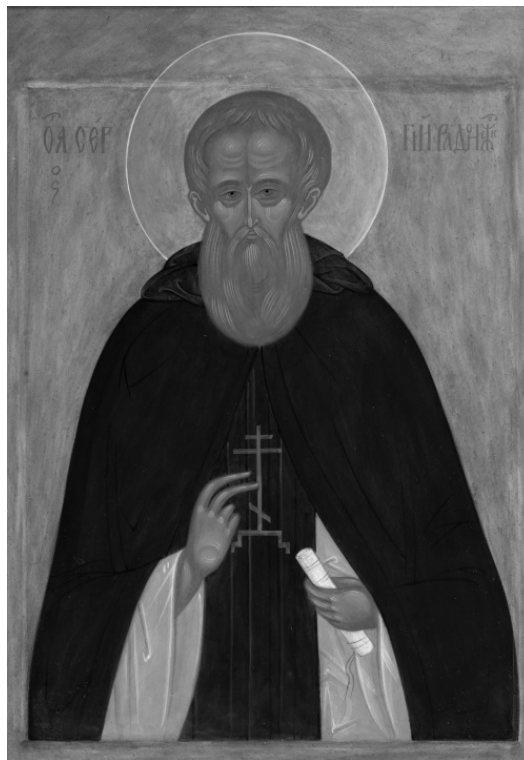
¹⁵ Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. СПб., 1905. Т. 2. С. 126.

¹⁶ Прп. Симеон Новый Богослов. О трех образах внимания и молитвы. Добротолюбие. М., 1900. Т. V. С. 463.

мистических прозрений и наслаждений, власти над природными и оккультными силами, то не ясно ли, к какой святости призывается человек.

В Евангелии дан критерий оценки подобного рода явлений: *Всякое дерево познаётся по плоду своему* (Лк. 6: 44). Плоды иноземных духов очевидны – это, прежде всего, отнятие у человека мысли о Боге, о душе, о вечности, о смысле жизни. Но разве не понятно, что «только с верой в свое бессмертие, – как писал Ф. М. Достоевский, – человек постигает всю разумную цель свою на земле». А без этой веры человек не может найти себе покоя.

Плоды же Православия – это его святые: они подвигами и молитвой в духовной борьбе очистили свою душу, достигли совершенного смирения и приобрели истинную любовь, которая и есть величайшее благо для человека.

Один из самых ярких святых в истории нашего Отечества – преподобный Сергий Радонежский. Жизнь его – лучшая иллюстрация плодов Православия. Он с такой силой показал нетленную красоту образа Божия в человеке, что и спустя семь столетий остается отцом и наставником всех стремящихся к *почести высшего звания* (Флп. 3: 14).

Образ его жизни, подвиги и труды, удивительное смирение, бегство от земной славы и редкое по своей благодатной силе и своим масштабам влияние на духовную жизнь всей Русской Церкви служат совершенным образцом православной святости. Эта святость дала ему *мир Божий, который превышает всякого ума* (Флп. 4: 7), *радость неизреченную и преславную* (1 Петр. 1: 8), любовь совершенную (см.: Кол. 3: 14), наполнившую не только всю его душу, но и всех, кто соприкасался с ним.

Он есть тот новый человек, святой, духовный, которого ищет каждая живая душа, к которому стремится, которого жаждет. И главная причина этого непобедимого к нему влечения, продолжающегося донныне, не в его чудесах, кстати, и не столь частых. Ибо где их много, там, как теперь особенно хорошо видно, собираются все, верующие и неверующие, ищущие чудес. Нет, не способность творить чудеса, а открывшаяся в Преподобном красота образа Божия незримо поражает, пленяет и притягивает душу. В самом Троицком соборе Лавры, где пребывают его мощи, ощущается особая атмосфера, здесь душа невольно начинает молиться, начи-

нает действительно ощущать, что *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4: 4).

Но как современному человеку применить опыт святых отцов для правильного устройства собственной духовной жизни? Неоценимую помощь здесь может оказать пример подвижников, близких нам по времени, глубоко изучивших творения святых отцов и впитавших их опыт своей жизнью.

Среди таких духовно опытных подвижников XX века – игумен Никон (Воробьёв; 1963). Его глубоко пропитанные святоотеческим духом мысли – это еще один голос Священного Предания Церкви. В наше духовно смутное время наставления игумена Никона помогают лучше понять духовную жизнь и опасности, подстерегающие верующего на пути к Богу, понять, что есть Православие. Игумен Никон дает следующую характеристику святого, духовного человека.

Духовный – тот, кто стяжал в себе Духа Святого. Он совершенно отличается от душевного или плотского, что почти однозначно здесь. Он есть новый человек (см.: Еф. 4: 24), а душевный есть ветхий человек (см.: Рим. 6: 6). Что в нем нового? – Всё: ум, сердце, воля, всё состояние, даже тело.

Ум нового (духовного) человека способен постигать отдаленные события, прошлое и многое из будущего, постигать суть вещей, а не только явления, видеть души людей, ангелов и бесов, постигать многое из духовного мира. *Мы имеем ум Христов*, – говорит духовный апостол Павел (1 Кор. 2: 16).

Сердце нового человека способно чувствовать такие состояния, о которых кратко сказано: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2: 9). А преподобный Серафим в согласии с древними отцами так говорил: если бы человек знал о тех состояниях блаженства, которые еще здесь бывают, а тем более в будущей жизни, то согласился бы прожить тысячи лет в яме, наполненной гадами, грызущими его тело, чтобы только приобрести эти состояния.

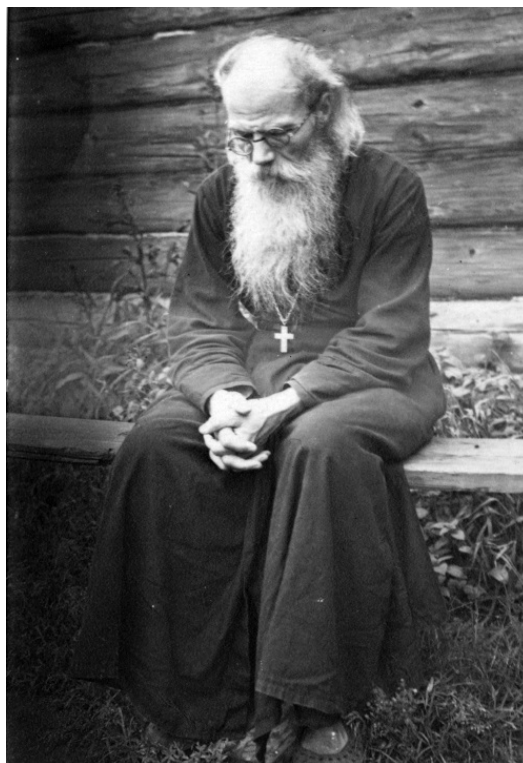
Таким же образом и воля нового человека целиком устремляется к любви и благодарности Богу.

Тело духовного человека тоже изменяется, становится частично подобным телу Адама до падения, способным к духовным ощущениям и действиям (хождение по водам, способность оставаться без пищи, моментальный переход через большие расстояния и т. п.).

Словом, человек, стяжавший Духа Святого, весь обновляется, делается иным (отсюда прекрасное русское слово «инок») и по уму, и по сердцу, и по воле, и по телу¹⁷.

Лучшая иллюстрация этих слов игумена Никона – сама его жизнь. Она служит еще одним примером в бесконечном ряду христианских подвижников, который доказывает истинность православного пути к святости.

¹⁷ Игумен Никон. Письма духовным детям. СвятоТроицкая Лавра, 1991. С. 119–124.

«Я искренне всегда стремился к Богу» Жизнеописание игумена Никона (Воробьёва)

Игумен Никон (в миру Николай Николаевич Воробьёв) родился в 1894 году на майского Николу в крестьянской семье села Микшино Бежецкого уезда Тверской губернии. Он был вторым ребенком. Всего в семье было шестеро детей, все – мальчики. В детстве Коля, кажется, ничем не отличался от своих братьев, разве только особой честностью, послушанием старшим и удивительной сердечностью, жалостью ко всем. Эти черты он сохранил на всю жизнь.

Коля блестяще окончил начальную школу, и отец сумел устроить его в реальное училище в Вышнем Волочке. И здесь он сразу же обратил на себя внимание своими исключительными и разносторонними способностями. Коля обнаружил прекрасные математические дарования, был великолепным стилистом. Он не раз говорил, что ему всегда легко было писать сочинения. Это видно и по его письмам, которые он писал, как правило, сразу, без черновиков. Пел (тенором) в хоре, играл на альте, выступал в разных программах на школьных мероприятиях, прекрасно чертил и рисовал. Младшие братья рассказывали, что его рисунки еще при них висели в классах в качестве образцовых. При переходе из класса в класс он неизменно получал награду первой степени (похвальный лист и книгу).

Но в каких условиях жил и занимался Коля в реальном училище?

Из дома помогали лишь в начальных классах. Когда же он решил учиться дальше, помощи ему ждать было неоткуда: родители жили совсем небогато, да кроме него было еще четыре сына, также нуждавшихся в образовании. Поэтому Коле пришлось продолжать учиться в условиях, невероятных для современного человека. Сразу же после обязательных уроков он, еще мальчуган, вынужден был, чтобы заработать на хлеб, идти и помогать отстающим обеспеченным товарищам. За это ему немного платили. Проведя так несколько часов, он прибегал на квартиру (за которую нужно было платить) и брался за подготовку своих уроков. Трудности увеличились, когда в то же реальное училище поступил его брат Миша: помочь ему мог только Коля.

Нужда, голод и холод были постоянными его спутниками во всё время обучения. Зимой он ходил в легком бессменном пальто и в штиблетах даже без стелек.

* * *

Семья батюшки была православной. Но вера эта, как и у большинства простых людей, носила обрядовый характер, была внешней, традиционной, не имела под собой ни знания христианства, ни твердой духовной основы. Подобная вера в лучшем случае воспитывала честных людей, но, полученная на бытовом уровне, по традиции, не отличалась прочностью и легко утрачивалась.

Отец Никон говорил, что народ в своей основной массе потому легко оставил веру после революции, что многие пастыри более пасли самих себя, чем паству, не назидали ее истинам веры и жизни и часто служили просто механическими требоисправителями. Все их наставления состояли в призыве к исполнению того, что «положено»: креститься, венчаться, отпевать родных, ходить по праздникам в храм, соблюдать посты, причащаться раз в год. Народ почти ничего не знал о духовной жизни, о борьбе со страстями, его редко кто учил этому. Поэтому, как только ему сказали, что Церковь – это поповский обман, очень многие перестали верить и в Бога. Ибо если Церковь – обман, то и Сам Бог – выдумка. Это случилось и с Николаем: в реальном училище он потерял веру в Бога.

Это была глубокая натура. В отличие от многих, Николая не увлекала обыденщина. Он искал смысла жизни. И это искание носило не отвлеченный философский характер, но исходило из самого сердца, захватывало всю его душу и требовало ответа на прямой вопрос: «Как жить?» В этом отношении он был очень похож на Ф. М. Достоевского, говорившего, что его осанна Христу через горнило сомнений прошла.

Поступив в реальное училище, Николай поверил атеистической пропаганде (которая широко развернулась в России после манифестов 1905 года Николая II о свободах, и в частности всех вероисповеданий, кроме Православной Церкви), с жадной ринулся в изучение наук, наивно полагая, что в них скрывается истина. Эта слепая вера в науку легко вытеснила у него столь же слепую в то время веру в Бога. Уже в старших классах он понял, что эмпирические науки проблемами бытия Бога, духовного мира, души вообще не занимаются, вопрос о смысле жизни человека в них не только не ставится, но и не вытекает из природы самих этих наук. Увидев это, он со всем пылом своей натуры углубился в изучение философии и достиг в ней столь больших познаний, что к нему иногда обращались даже его преподаватели.

Искание Николаем смысла жизни было столь велико, что часто, оставаясь буквально без куска хлеба, он на последние деньги покупал книги. Читать их он мог только ночью. Ночами изучал историю философии, читал классическую литературу – и всё с одной целью, с одной мыслью: найти истину.

Но чем больше Николай приобретал знаний и становился взрослее, тем обостреннее чувствовал бессмысленность этой жизни, заключенной между рождением и неминуемой смертью. Смерть – удел всех, без исключения. А если так, то каков же смысл жизни, которая может оборваться в любой момент? Для себя жить не стоит, а для других? Все другие – такие же смертные, для них смысла жизни, следовательно, также нет. И зачем в таком случае живет человек, если ничто не спасает ни его, ни кого-либо от смерти? Наука и философия на этот вопрос ответа ему не дали. В конце жизни игумен Никон говорил:

«Изучение философии показало, что каждый философ считал, что он нашел истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия – это суррогат; всё равно что вместо хлеба давать жевать резину. Питайся этой резиной, но сыт будешь ли? Понял я, что как наука не дает ничего о Боге, о будущей жизни, так не даст ничего и философия».

* * *

В 1914 году, двадцати лет, Николай блестяще оканчивает реальное училище, но выходит из него без радости.

Разуверившись и в науке, и в философии, он предпринимает еще одну попытку найти научный ответ на главный вопрос жизни: зачем я живу? Он поступает в Психоневрологический институт в Петрограде. Однако и здесь его постигло глубокое разочарование. «Я увидел: психология изучает вовсе не человека, а „кожу“ – скорость процессов, апперцепцию, память... Такая чепуха, что это тоже оттолкнуло меня. И совершенно ясен стал вывод, что надо обратиться к религии»¹⁸.

Окончив первый курс, Николай ушел из института. Наступил окончательный духовный кризис. Борьба была столь тяжелой, что приходила мысль о самоубийстве.

И вот однажды летом 1915 года в Вышнем Волочке, когда Николай вдруг ощутил состояние полной безысходности, у него, как молния, промелькнула мысль о детских годах веры: а что, если действительно Бог существует? Должен же Он открыться? И вот юноша, неверующий, из самой глубины своего существа, почти в отчаянии, воскликнул: «Господи, если Ты

¹⁸ Здесь и далее цитируется с магнитофонной записи.

есть, то откройся мне! Я ищу Тебя не для каких-нибудь земных, корыстных целей. Мне одно только надо: есть Ты или нет Тебя?» И... Господь открылся. Батюшка говорил:

«Невозможно передать то действие благодати, которое убеждает в существовании Бога с силой и очевидностью, не оставляющей ни малейшего сомнения у человека. Господь открывается так, как, скажем, после мрачной тучи вдруг просияет солнышко: ты уже не сомневаешься, солнце это или фонарь кто-нибудь зажег. Так Господь открылся мне, что я припал к земле со словами: «Господи, слава Тебе, благодарю Тебя! Даруй мне всю жизнь служить Тебе! Пусть все скорби, все страдания, какие есть на земле, сойдут на меня – даруй мне всё пережить, только не отпасть от Тебя, не лишиться Тебя».

Долго ли продолжалось это состояние: час, два – он точно не помнил. Но когда поднялся с колен, то услышал мощные, размеренные, уходящие в бесконечность удары церковного колокола. Сначала он не придавал этому значения, полагая, что звонят в монастыре, который был неподалеку. Но звон не прекращался, да и время оказалось слишком поздним для благовеста – за полночь.

Николай долго недоумевал относительно этого звона, опасаясь, не галлюцинация ли это. Объяснение пришло позже, когда он нашел подобное же в автобиографических заметках у С. Н. Булгакова в «Свете Невечернем», а также вспомнил рассказ И. С. Тургенева «Живые мощи» в «Записках охотника», где Лукерья тоже говорила, что слышит звон «сверху», не смея сказать «с неба». Он понял, что Господь иногда наряду с внутренним откровением являет человеку и особые внешние знаки для его большего удостоверения.

Так произошел у Николая полный переворот в мировоззрении. Бог явил Себя тому, кто искал Его всеми силами своей души. Господь ответил на эти искания и дал ему «вкусить и увидеть», что Он есть и что Он благ.

* * *

Но юноша еще не знал, что теперь делать и каков должен быть путь его новой жизни, чтобы не утратить найденной истины. Батюшка рассказывал, как в школе учил их Закону Божию священник: заставлял зубрить тексты, не вникая в их смысл, пересказывать Священное Писание и заучивать одним голым рассудком догматы, заповеди, факты истории Церкви без какого-либо приложения к духовной жизни, к мысли о спасении. Преподавание велось настолько мертво, схоластично, что уроки Закона Божия, вспоминая он, превращались во «время острот и кощунств». Христианство изучали как один из обычных светских предметов, но не как путь ко Христу и этим совершенно убивали дух в учащих. Во всем преподавании не чувствовалось жизни. Не случайно преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Революция вышла из семинарии».

Батюшка в связи с этим часто говорил, что именно по причине такого «духовного» образования самые злые безбожники выходили из стен духовных школ, а наш народ, участвуя лишь в церковных мероприятиях, оставался без знания Православия и потому легко поддавался атеистической пропаганде.

Вот что говорил отец Никон о своих дальнейших шагах жизни после обращения:

«А в дальнейшем уже Господь ведет человека сложным путем, очень сложным путем. Я был поражен, когда после такого откровения Божия вошел в церковь. И раньше ведь приходилось: и дома заставляли ходить, и в средней школе нас водили в церковь. Но что там? Стоял как столб, не интересовался, занимался своими мыслями – и всё».

Но когда после обращения сердце немного открылось, то в храме я первым делом вспомнил предание о посланцах князя Владимира, которые, когда вошли в греческую церковь, уже не знали, где находятся: на небе или на земле. И вот первое ощущение в церкви после пережитого состояния, что человек – не на земле. Церковь – не земля, это кусочек неба. Какая радость

была слышать: «Господи, помилуй!» Это просто невероятно действовало на сердце: всё богослужение, постоянное воспоминание имени Божия в разных формах, песнопениях, чтениях. Это вызывало какое-то восхищение, радость, насыщало...

В наше время очень трудно. Нет руководителей, нет книг, нет условий жизненных. И на этом пути – обращаю ваше внимание, подчеркиваю – на этом сложном пути, как это видно у всех святых отцов, самое важное, самое трудное – привести человека к смирению, ибо гордость привела и денницу, и Адама к падению. И вот это – путь Господень для человека, который всей душой решил жить ради Господа, чтобы спастись. А без смирения человек не спасается. Хотя мы и не достигаем настоящего смирения, но, так сказать, начального уровня можем достигнуть.

И когда человек вот так придет, припадет ко Господу: „Господи, сам я ничего не знаю (на самом деле, что мы знаем?), делай со мной, что хочешь, только спаси“, – тогда Господь начинает вести человека Сам».

Действительно, ничего еще не знал в то время юноша о духовном пути, а спросить было, увы, говорил он, не у кого. Оставалось лишь одно – припасть со слезами к Богу и просить Его указать путь. И Господь повел его. «Повел так, что я после этого года два в Волочке жил, занимался с книгами, молился дома», – вспоминал батюшка. Это был период «горения» сердца. Он не видел и не слышал того, что делалось вокруг него. В то время он снимал одну половину частного дома в Сосновицах (Тверская губерния). Ему было всего 21–22 года. За тонкой перегородкой – пляски, пение, смех, игры молодежи: там веселились. Приглашали и его. Но потерял он вкус к миру, к его наивным, близоруким, сиюминутным радостям. «Ешь, пей, веселись!» – этот девиз не устраивал ни его сознание, ни тем более его сердце.

Эти два года жизни были у Николая временем непрерывного подвига, настоящего аскетизма. Впервые он познакомился здесь с творениями святых отцов, впервые, по существу, с Евангелием. Вот что рассказывал батюшка об этом периоде:

«И только у святых отцов и в Евангелии я нашел действительно ценное. Когда человек начнет бороться с собой, будет стремиться идти путем евангельским, то ему святые отцы сделаются необходимыми и своими, родными. Святой отец – уже родной учитель, который говорит душе твоей, и она воспринимает это с радостью, утешается. Как тоску, уныние, рвоту вызывали эти философии и всякие сектантские гадости, так, наоборот, как к родной матери, приходил к отцам. Они меня утешали, вразумляли, питали.

Потом (в 1917 г. – А. О.) Господь дал мысль поступить в Московскую Духовную Академию. Это много для меня значило».

По словам батюшки, благодаря лекциям, прежде всего отца Павла Флоренского, он получил здесь теоретическое обоснование бытия Бога, духовного мира, понимание смысла жизни. Но в 1919 году Академия была закрыта.

«Затем Господь устроил так, что я еще несколько лет мог пробыть в Сосновицах один, в уединении», – рассказывал старец. Здесь в средней школе Николай Николаевич преподавал математику, имея небольшое количество часов. Однако его уволили из школы, после того как он отказался вести занятия на Пасху. В 1925 году он переезжает в Москву и устраивается псаломщиком в Борисоглебском храме. Здесь он близко сходитя с настоятелем храма отцом Николаем Семеняко, будущим епископом Минским Феофаном.

За десять дней до своей смерти, на праздник Успения Божией Матери, батюшка рассказал кое-что собравшимся у его постели близким об этом отрезке своего пути в качестве «психологической иллюстрации духовной жизни из уст уже умирающего человека – может быть, послужит для пользы»:

«И там (в Сосновицах. – А. О.) жил по-подвижнически: ел кусок хлеба, тарелку пустых щей. Картошки тогда не было почти. И при этой, так сказать, настоящей подвижнической жизни (теперь можно всё сказать) я весь день находился в молитве – в молитве находился и в посте. И вот тут-то я понял духовную жизнь, внутреннее состояние: Господь открыл действие

в сердце молитвы. Я думал, что Господь и далее устроит меня куда-нибудь в деревню, в какой-нибудь домишко-развалюшку, где я мог бы продолжать такую же жизнь. Хлеба мне было вот, с пол-ладони, достаточно, пять картофелин (я уже привык) – и всё.

Господь не устроил этого. Кажется, почему бы? А для меня понятно. Потому, что в самой глубине души выросло мнение о себе: вот как я подвижнически живу, я уже понимаю сердечную молитву. А какое это понятие? Это одна миллиардная доля того, что переживали святые отцы. Я говорю вам, чтобы вы немножко поняли. И вместо такого уединения Господь устроил так, что я в самую грязь ввалился, чтобы я вывалился в ней, понял, что я сам ничто, и припал бы к Господу, и сказал: „Господи, Господи, что я? Только Ты наш Спаситель“.

Я познал, что Господь так устраивает потому, что нужно человеку смириться. Кажется, ясно? Но вот совсем-то для человека и не ясно это оказывается. После этого принял монашество, был в лагере, вернулся и всё равно привез высокое мнение».

* * *

В Минске 23 марта (5 апреля по н. ст.) 1931 года, в Вербное воскресенье, состоялся монашеский постриг Николая Николаевича. Он получил имя в честь игумена Радонежского Никона, ученика преподобного Сергия. Постриг совершил епископ Минский Феофан, с которым они вместе переехали сюда из Москвы. Через два дня после пострига, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, отец Никон был рукоположен во иеродиакона, а 26 декабря 1932 года (на второй день Рождества Христова) – во иеромонаха, тем же епископом.

В связи с этим интересно отметить один эпизод из детской жизни отца Никона. В их селе часто появлялся и подолгу жил юродивый по прозвищу Ванька-малый, которого охотно привечали родители Коли. И вот однажды, когда дети играли, этот юродивый вдруг подошел к мальчику и, указывая на него, несколько раз повторил: «Это – монах, монах». Его слова ничего, кроме смеха, ни у кого не вызвали. Но через 30 лет удивительное предсказание исполнилось – именно Коля стал монахом.

Ванька-малый был действительно прозорливым. Он также за несколько десятков лет предсказал смерть матери отца Никона в Таганроге. Как-то, подойдя к ней и сложив руки трубочкой, стал наигрывать: «Дуру-дара, дуру-дара, в Таганроге жизнь скончала». В семье тогда никто даже не слышал о существовании такого города. В 1930-х годах мать действительно переехала в Таганрог к сыну Василию и там скончалась.

Приходится поражаться той силе веры и ревности Николая Николаевича, которые подвинули его в лютое время гонений на Церковь на принятие монашества и священства. Немногие решались на подобный подвиг. Это было действительно отречением от мира и прямым путем на голгофу! И она не замедлила предстать перед иеромонахом Никоном. 5 апреля (по н. ст.) 1933 года, в самую годовщину пострига, он был арестован и сослан в сибирские лагеря на пять лет строить будущий Комсомольск-на-Амуре. О том, что там перенесли заключенные, невозможно без содрогания слушать, читать, вспоминать. Теперь лишь стали открываться ужасы тех лет. Батюшка почти ничего не рассказывал – за ним велась непрерывная слежка. Но в одном из писем он чуть-чуть поделился воспоминаниями об этом периоде своей жизни:

«Сегодня, 5/IV—31 года (письмо написано в 1950-е годы. – А. О.), было Вербное воскресенье. Я получил новое имя. А через два года, тоже 5/IV—33 года, я был verhaftet [арестован. – нем.]. Это было действительно отречение от всего. Наше поколение (их уже мало в живых) буквально было навозом для будущих родов. Потомки наши не смогут никогда понять, что пережито было нами. Достойное по делам нашим восприняли. Что-то вы воспримете? А едва ли вы лучше нас. Да избавит вас Господь от нашей участи!»

Когда вышла книга А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», то батюшка, прочитав ее, сказал: «Солженицын, видимо, сидел на курорте, а не в лагере». А ведь многих поразили тяжелые условия жизни заключенных, описанные Солженицыным в этой повести.

В лагере незадолго до своего освобождения батюшка неожиданно на короткое время встретился со знакомым епископом Феодосием (Ващинским), и тот выдал ему следующий документ (на всякий случай):

19/1—1937 г. г. Комсомольск-на-Амуре

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего иеромонах Никон, в мире Николай Николаевич Воробьев... в верности заветам Святой Православной Церкви тверд, в слове Божиим и святоотеческой литературе весьма начитан, жизни и образа мыслей строго православно-христианского. Крест уз лагерных нес терпеливо, без уныния и скорби, подавая своею жизнью добрый пример всем его окружающим. С пользою для Православной Церкви может быть использован как приходский пастырь и даже как ближайший верный сотрудник епархиального святителя, что удостоверяю.

*Феодосий (Ващинский),
епископ Кубанский и Краснодарский,
б. Могилёвский*

* * *

Вследствие зачета рабочих дней, а в действительности прямым Божиим чудом батюшка был досрочно освобожден в 1937 году. По возвращении из лагеря его, судимого по самой страшной в то время 58-й статье, с огромным риском для себя принял в свой дом в Вышнем Волочке в качестве универсальной прислуги очень авторитетный в городе знакомый врач хирург Михаил Львович Сергиевский (1872–1955), вместе с сыном которого Николай Воробьев учился в реальном училище. Заступничество его в это время неоднократно спасало отца Никона от нового ареста. Упокой, Господи, раба Твоего Михаила в селениях праведных!

Здесь батюшке пришлось пройти еще один суровый курс науки подвига и терпения. Дело в том, что жена врача Александра Ефимовна и ее сестра, также врач, Елена Ефимовна были убежденными атеистками и в открытой, часто саркастической форме выражали свое отношение и к христианству, и к своему служке-монаху. О том, как отец Никон реагировал на это, лучше всего говорит то, что произошло в дальнейшем. Обе сестры, в конечном счете, веру в атеизм оставили и стали настоящими христианками. И привели их к Христу не просто ум, энциклопедические познания и ясные ответы батюшки на все самые сокрушительные, казалось бы, вопросы о христианстве, но прежде всего его действительно подвижническая жизнь и поразительное терпение очень тяжелого, взрывного характера сестер, о чем они потом со слезами раскаяния и изумления рассказывали.

Отец Никон жил на втором этаже флигеля в небольшой комнатке. Вся усадьба, включая флигель, основной дом и огромный, около полутора гектаров, земельный участок, сохранилась до настоящего времени. На земельном участке батюшка посадил своими руками фруктовый сад с самыми разными сортами яблонь, груш, слив, вишен, смородины, крыжовника. В большом количестве приходилось выращивать различные огородные культуры, поскольку к Михаилу Львовичу всегда кто-нибудь приходил или приезжал, в доме постоянно останавливались друзья, знакомые, пациенты. Невольно поражает тот объем работ, который без посторонней помощи выполнял иеромонах Никон. Но сейчас весь участок зарос, запущен – ухаживать некому.

История обращения первой из сестер, Александры, очень интересна и необычна. Ее описала в своем дневнике Елена Ефимовна.

«30 мая 1940 года. Еще после смерти сестры, Александры Ефимовны, явилось у меня желание описать ее болезнь и смерть и то, что она частично открывала нам о себе. Пусть то, что я расскажу, послужит во славу Божию.

Сестра моя была неверующая всю свою жизнь. Идеи сестры насчет веры, Бога и религии были типичны для интеллигента ее времени. Она относилась нетерпимо ко всему, что касалось религии, и возражения ее часто носили циничный характер. В эти годы в нашем доме жил Николай Николаевич (отец Никон). Я всегда страдала от ее тона и не любила, когда Николай Николаевич затрагивал эти вопросы. Любимым возражением сестры на все доводы Николая Николаевича были слова: „Написать-то всё можно, все книги о духовном содержат одно вранье, которое только бумага терпит“.

Она безнадежно заболела (рак желудка) и не переставала глумиться над верой, стала очень раздражительной, потеряла сон, аппетит и слегла в постель. Сперва за больной ухаживал ее муж, но от бессонных ночей он стал валиться с ног. Днем у него было много работы в больнице. Тогда мы ввели ночные дежурства с Николаем Николаевичем. У нее был период сильной раздражительности, требовательности, она каждую минуту требовала что-нибудь. Когда ей стало трудно напрягать голос, Николай Николаевич провел электрозвонок к ее изголовью. Он сидел по ночам в комнате больной.

Приехала из Ленинграда жена старшего сына больной – Е. В., но она недолго погостила. Ей больная рассказывала о своем видении. Видела она, как в комнату вошли семь старцев, одетых в схиму. Они окружили ее с любовью и доброжелательством и сказали: „Пусть она его молитвами увидит свет!“ Николай Николаевич запретил говорить „его молитвами“, а Е. В. утверждала, что больная говорила именно так. Это явление повторилось несколько раз.

Тогда больная сестра обратилась к Н. Н. с просьбой об исповеди и Причастии.

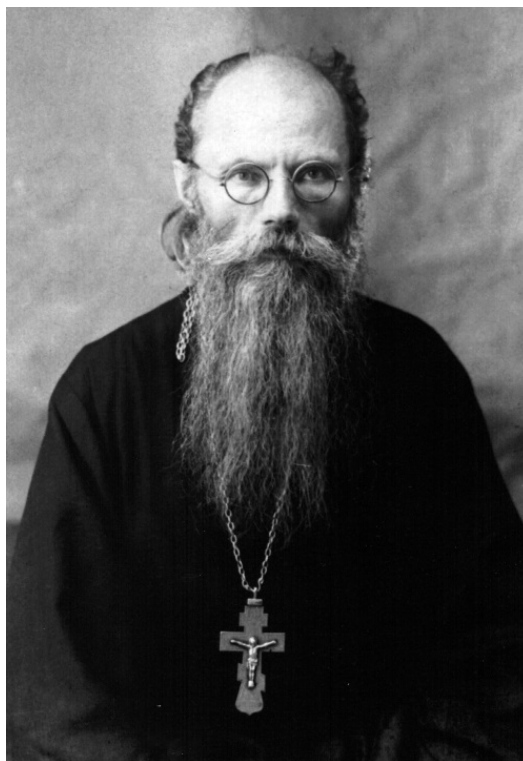
Она не говела сорок лет. Просьбу больной Н. Н. выполнил сам, и видения прекратились. В душе больной совершился перелом: она стала добра и кротка со всеми. Стала ласкова (эта перемена чрезвычайно поразила домашних и всех знавших ее. – А. О.). Н. Н. рассказывал, что после Причастия она рассуждала с ним о том, что если бы это галлюцинации были, то почему же они сразу прекратились после Причастия Святых Таин и повторялись несколько раз до него? Ум ее работал до последнего вздоха. Она сказала, что если бы она выздоровела, то первая ее дорога была бы в церковь, в которой она не была сорок лет. Сознание у нее было ясное, и она много думала и говорила: „Каждый человек должен умереть в вере отцов!“»

Эту историю рассказывал и сам батюшка, но передавал только следующие слова старцев: «У вас в доме есть священник, обратись к нему».

О второй сестре, Елене Ефимовне, батюшка говорил, что, уверовав, она так каялась, как еще никто в его священнической практике. Это было стенание из глубины души. Елена Ефимовна вскоре приняла монашеский постриг с именем Серафимы. Когда в 1950 году она скончалась, и ее, врача, как было принято в те времена, хоронили все сотрудники больницы, торжественно, с музыкой, никто не знал, что под подушкой в гробу лежали монашеские мантия, параман, четки. В своих письмах батюшка очень просил поминать всех знавших ее, ибо она много делала добра. Так, 13 октября 1950 года он писал: «...вчера вернулся из Волочка. Там умерла Елена Ефимовна, которую знает мать Валентина, меня вызвали телеграммой. Я ей обещал похоронить ее и обещание исполнил. Она много доброго сделала для меня. Прошу всех поминать ее».

* * *

С открытием церквей батюшка приступил к священнослужению. В 1944 году он был назначен настоятелем Благовещенской церкви в Козельске, где и служил до 1948 года.

Здесь он жил на квартире у монахинь и вел по-прежнему в полном смысле слова подвижнический образ жизни. По воспоминаниям общавшихся с ним в то время, он был невероятно истощенным. В маленькой (5–6 м²) отгороженной тесовой перегородкой комнатухе он всё свое время проводил в молитве (так говорили монахини, которые потихоньку подглядывали и часто видели его стоящим на коленях), чтении Священного Писания, святых отцов. Литургию совершал кроме воскресных и праздничных дней каждые среду, пятницу, субботу и даже в небольшие праздники. Как правило, проповедовал за каждой Литургией, часто и в будни, хотя бы народу было и немного, иногда и за вечерним богослужением. Его проповеди производили сильное впечатление на верующих, и не только потому, что он обладал даром слова, но и благодаря искренности, глубине понимания духовной жизни, постоянному обращению к святым отцам.

* * *

В Козельске отец Никон имел духовное общение с последним постриженником преподобного Амвросия Оптинского иеросхи-монахом Мелетием (Барминым; 12 ноября 1959 года). Отец Мелетий был и последним духовником женской Шамординской обители (недалеко от Козельска). Он также не избежал лагеря. Говорили, что на каком-то допросе, когда его довели до почти бессознательного состояния, он будто бы подписал на кого-то обвинительную бумагу. Органы, конечно, часто использовали такой метод. Но в чистоте души отца Мелетия легко можно было убедиться, пообщавшись с ним хотя бы несколько минут. Он отличался необычайной кротостью, был очень немногословным. Спросят его: «Батюшка, как жить?»

Он отвечает: «Всегда молитесь» – и всё. Около него всегда были мир и покой.

После закрытия монастыря у отца Мелетия продолжали духовно окормляться шамординские сестры, которых было немало в Козельске; приезжали к нему люди и из других мест. Отец Мелетий скончался в глубокой старости, 96 лет, и был похоронен в Козельске. Теперь его прах перенесен в Оптину Пустынь.

Сохранилось несколько писем игумена Никона к этому святому человеку.

В 1948 году отца Никона начали гонять по приходам: сначала перевели в Белёв, затем в Ефремов, далее – в Смоленск. Его проповеди нигде не давали покоя уполномоченным по делам Церкви, да и собратьям нередко тоже. Из Смоленска в том же 1948 году епископом Сергием он был направлен в Гжатск (ныне город Гагарин), по словам батюшки – в ссылку. Не понравилось ему здесь. И встретили его неприветливо.

Позднее он писал:

«Чтобы остаться в „Окопах“¹⁹, надо было поступить так, как все делают, а я не хочу; вторая причина – бояться меня везде, думают, что всё потечет ко мне... Да будет воля Божия. Лучше жить в захолустье, но с чистой совестью, чем в столице, но путем неправым. Люди, в конце концов, только орудия в руках Божиих. И дурные действия Господь направляет ко благу.

Я уже успокоился. Церковь (в Гжатске. – А. О.) мала, очень мал алтарь в зимней части, неудобно, зато хорош староста, на редкость. Мне не придется много уделять внимания на хозяйство церковное. Он всё сделает, и довериться ему вполне можно. Мне было потому еще тяжело, что не было возможности целую неделю остаться одному. Жил прежний настоятель. Еще преимущества здесь: близко Москва, летом хорошо, лес рядом, говорят, очень много малины, речка тоже есть, от нас около 1/2 км. Правда, до вас дальше, но что делать. Если угодно Господу, то и опять буду близко.

Уже собираются писать епископу благодарность, что меня послал сюда, но я просил не делать этого и вообще меньше говорить обо мне, бесполезно для души... и тела.

Я пока питался с дьяконом и сторожихой, но придется купить керосинку или иначе приспособиться и готовить самому, к чему я давно привык, так как долго жил один».

* * *

Бояться как огня привязанности к каким-либо вещам, удобствам, комфорту и, естественно, к деньгам, предупреждал игумен Никон. На это он часто обращал внимание своих собеседников. Сам постоянно помогал, чем мог, знакомым монахиням, которые нигде не могли работать, нуждающимся родственникам, незнакомым людям, обращавшимся к нему за помощью. Было несколько случаев, ставших известными уже после его кончины, когда он неожиданно давал деньги совсем незнакомому человеку, находившемуся в отчаянном положении. И имущества у него никакого не было. В Гжатск приехал, имея старую зимнюю рясу одного оптинского иеромонаха, поношенный теплый подрясник, который он через некоторое время сжег ввиду полной его ветхости, летнюю рясу с двумя или тремя легкими подрясниками. Вот и всё его имущество, если не считать еще нескольких алюминиевых ложек и вилок. Он органически не мог переносить чего-либо не необходимого, называя всё это хламом, который обременяет душу. Многая имения, повторял он, умножает печаль (заботы). Был решительным противником всякой красоты, мягкости, элементов какой-либо роскоши, говоря, что всё это развивает в человеке тщеславие, праздность и глупое, пустое самомнение. Его одежда всегда была сшита из самого дешевого материала портнихой-самоучкой и выглядела иногда довольно неуклюже. Он был доволен этим.

Себя батюшка в одном из писем характеризует так: «Прибавьте к этому некоторые его (так он писал о себе. – А. О.) личные черты: стеснительность при чужих людях, отсутствие интереса к их разговорам, нежелание оторваться от своего дела (потому что еще не привык быть в себе при людях) и проч.».

Он никогда не снимал подрясника – ни когда бывал в Москве, ни когда много и до пота трудился в огороде или на других работах. В то же время он никогда не надевал монашеской

¹⁹ Так в народе назывался один из районов Смоленска, где был действующий храм.

мантии, клобука. Когда спрашивали, почему он так поступает, отвечал, что в монастыре эта форма естественна, а на приходах она делает монаха предметом повышенного нездорового любопытства, бесполезного и для него и для народа.

Народ очень любит зрелища, говорил отец Никон. Поэтому у очень многих верующих сама религия сводится к чисто внешней, обрядовой ее стороне. И форма часто оказывается одним из подобных зрелищ. Сам он мало значения придавал внешним формам.

Однажды, отвечая одному адресату по этому вопросу, батюшка писал:

«Что Н. (игумен Никон. – А. О.) не ценит „всякой формы“ – вполне (здесь и далее выделено им. – А. О.) с Вами согласен. Только скажу, что это неценение исходит не из головы, т. е. из каких-то рассудочных соображений, и не из гордости (так мне кажется, может быть, ошибаюсь?), а как-то изнутри. Н. слишком отчетливо сознает превосходящую всякое разумение ценность «внутреннего», крохи которого доступны ищущему и без особой формы, если только мы с Вами не понимаем слово «форма» по-разному. Считаю нужным сказать, что Н. безусловно признает необходимость Церкви со всеми Таинствами для всех, а для многих и всю обрядность, не всегда обязательную для всех. Мне кажется, что мы живем в такое время, когда умение и способность обходиться минимумом внешнего при правильной внутренней жизни не будет минусом, а плюсом, особенно в дальнейшем. Только это труднее, не всем доступно, и надо иметь некоторую способность к этому».

А вот что просил батюшка привезти ему из его козельской кельи.

«Если м. Валентина приедет, то надо взять комплект постельного белья и всё, что ей нужно. А мне, кажется, ничего не надо. Из книг надо обязательно с этажерки: служба Великого поста и Страстной Седмицы. Точно заглавия не помню – небольшая книжка на этажерке, на средней полке, в темном переплете. Да проповеди – тоже с этажерки – на воскресные и праздничные дни, кажется, издание Киевской академии. А может быть, они и в шкафу на кухне. Еще авву Дорофея и у Скворца²⁰ Исаака Сирина. Больше пока ничего не надо».

Батюшка любил рассказывать следующий эпизод из жизни преподобного Пахомия Великого. Когда в одном из монастырей, где начальствовал преподобный, братия поставила красивые ворота и с восторгом стала показывать их ему, то он приказал привязать к одному из воротных столбов веревку и тянуть до тех пор, пока те не перекошились. Братия расстроилась и недоумевала, но

преподобный ответил, что стыдно монаху привязываться к вещам. Батюшка всегда и во всем строго придерживался этого правила.

* * *

В духовном отношении, по словам игумена Никона, гжатский период жизни многое дал ему в познании себя. А главное, говорил он, ему приоткрылось некоторое понимание того, что есть начальное смирение.

«Вот Игнатий Брянчанинов, да вознаградит его Господь, всё время говорит об этом. Его вы теперь не понимаете. Всё у него внутри звучит мысль о смирении. Что же такое смирение? У меня к пониманию смирения был такой переход. Однажды мне пришла мысль, совершенно отчетливая и ясная: а что такое все наши дела, все наши молитвы, наше всё?! Надо лишь звать, как мытарь: „Боже, милостив буди мне, грешнику!“ Сердце вот тут-то у меня и поняло, поняло, что самое существенное – это милость Божия. Это было понятно не умом, а сердцем. И вот с этих пор я стал обращать в себе эту мысль, жить этой мыслью, молиться этой мыслью, чтобы Господь не отнял, а развил ее.

²⁰ Так прозвали монахиню Павлину (Сидорцову), которая делила дом пополам с Лизой (монахиней Евпраксией).

Это есть начальное смирение – начальное, подчеркиваю, – [сознавать,] что мы сами – ничто, а творение Божие, мы – создание Божие только. Поэтому чем нам гордиться, что нам противопоставлять Богу? Хотя Господь почтил нас величайшим достоинством – быть сынами Божиими, но это – дар Божий. Потом, призывая, искупил нас для того, чтобы восстановить, усыновить Себе, но и это опять дар Божий. Грешим, грешим – Господь прощает, это – дар Божий. А у нас что? У нас своего – ничего. Вот это должно войти в сердце человеческое. Не умом нужно понять, а сердцем.

Человек должен в каждой молитве, как бы он ни вдохновился, какое бы восхищение в молитве Господь ни дал человеку, он должен молиться в основе, как мытарь: „Боже, будь милостив мне, грешному“. Всё, и даже вот это вдохновение – всё это есть дар Божий. Нет в нас ничего доброго, всё – от Господа. Словом, как говорил Давид, я – блоха во Израиле, я – червь, а не человек. Что думаете, для красоты, что ли, эти слова он говорил? Нет. Они исходили из этого состояния, о котором я говорю. К этому искренне надо прийти, и из этого состояния должна исходить всякая наша молитва.

Это и есть начальное смирение, именно начальное. Отсюда исходит еще другое, о чем я должен сказать, как о самом важном. Человеку необходимо почувствовать не умом и не только сердцем, а всем своим существом, с головы до пят, непостижимую ни для людей, ни для Ангелов любовь Божию. Он должен благодарить Бога, славословить Его, преклоняться пред Ним, пред Господом, за Его великую милость и любовь. Он должен бы желать не только быть распятым рядом с Ним и перенести всё, но быть растерзанным на куски, и не только растерзанным, а терзаемым всю жизнь. Вот как он должен себя чувствовать. А мы, окаянные, не можем и малейшей скорби терпеть, даже самой малейшей.

Поэтому первыми словами молитвы и поставлены Церковью слова: „Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе“, то есть: „Слава, благодарение Тебе, Господи, за Твою милость, за Твою любовь, за снисхождение, за то, что Ты, Господь, Творец вселенной, пред Которым трепещут все Ангелы, снизошел до того, что позволяешь нам называть Тебя своим Господом и обращаться к Тебе, молиться Тебе“.

Всё Господь делает для человека, для его радости, для его спасения, даже для его удовольствия. Всё делает Господь, лишь бы это было в пользу, а не во вред человеку. Поэтому нечего бояться, нечего страшиться скорбей. Всё Господь сделает, может избавить от всего для нашей пользы. Только не всё делается. Поэтому нам надо преклоняться пред Господом (вот и нужны для этого свои отдельные комнаты), благодарить, славословить, молиться Ему от всей души...

Понятно? Умом понятно, а сердцем еще далеко вам понять. А чтобы понять сердцем, во-первых, обязательно надо молиться уединенной молитвой. Обязательно! А потом, жить по-евангельски, каяться в грехах. Ибо человек должен не только понять, но почувствовать, что мы мытари, что должно обращаться к Богу, как мытарь. Не просто к этому придешь. А приходит человек многократным падением, нарушением заповедей Божиих. Раз пал, встал, покаялся. Опять пал. Опять встал. И в конце концов поймет, что погибает без Господа.

К Сисою Великому пришел один брат и говорит: „Отче, я пал“. – „Встань“. – „Встал, опять пал“. – „Еще встань“. – „До каких же пор?“ – „До смерти“. Когда человек поймет, глубоко, сердцем, это свое падение, поймет, что сам человек ничто, весь в падении, начнет взывать к Господу: „Боже, милостив будь мне, грешному, видишь, в каком я состоянии“, – тогда он может прийти в состояние начального смирения и спастись. Вот почему при искании Бога не нужно отчаиваться...»

Много различных неприятностей, откровенных угроз для жизни и прямых нападений пережил батюшка в Гжатске, много было приходской суеты. «Но эта суета, – говорил он перед смертью, – дала мне возможность увидеть: ничего не можем мы сами сделать доброго».

В связи с вопросом о духовной жизни отец Никон довольно часто в своих беседах подчеркивал, что духовность – это совсем не чудеса и явления, не исцеления и прозорливость, тем более не духовные одеяния и слова о духовности, которыми любят иные щеголять, как модной одеждой. И многие книги, предупреждал он, написанные о духовности, пронизаны языческим, нехристианским духом. Духовность – это даже не добрые дела и не просто исполнение церковных правил и установлений, но жизнь по заповедям Евангелия, борьба со страстями и покаяние. Такая жизнь, во-первых, открывает человеку его грехи, до того практически им невидимые, во-вторых, показывает ему его бессилие искоренить их. Это порождает искреннюю покаянную молитву, приводит человека к смирению, которое только и позволяет Богу войти в душу и очистить ее от всякого греха. Батюшка часто приводил замечательные слова святого Исаака Сирина: «Воздаяние бывает не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудевает, то первые будут напрасны».

Единственно духовные писания, говорил отец Никон, это творения святых отцов и подвижников Церкви, например отцов «Добротолюбия», святителя Игнатия (Брянчанинова). В них действительно пребывает Дух Святой, и ими только можно и должно руководствоваться. В связи с этим весьма насущно для настоящего времени звучит его мнение о Западе и западной религиозной литературе.

«Хорошо, что у нас граница закрыта. Это великая милость Божия к нашему народу. Нас бы завалили (особенно Америка) дьявольской, сатанинской и сектантской литературой, а русские люди очень падки на всё заграничное и окончательно погибли бы. Возьмите Бердяева. Какие кощунственные выражения допускает он о святых отцах! Он их, значит, никогда не читал или читал одним кусочком мозга, без сердца, без души. Он совершенно не понимает христианства и потому писал ложь о святых отцах. И очень многие, особенно в эмиграции, писали о духовных вопросах совершенно неправильные, лживые вещи. Говорит о Боге, а сам – дьявол.

Такие дивные книги у святых отцов, и разве можно вместо них читать всякую макулатуру под видом духовной литературы? Например, книга так называемого архимандрита Спиридона о молитве – это сплошной обман, в лучшем случае – самообман, это полное искажение

христианства, ложь о духовности, о молитве. Такие книги способны только погубить человека, ввести его в явную прелесть».

* * *

К вопросу духовничества батюшка относился в полном соответствии с наставлениями святителя Игнатия (Брянчанинова). Его он цитировал, его учение рассматривал как самое верное и необходимое в наше время. Особенно нравилась ему следующая мысль святителя:

«Точно – тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтобы в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют».

Этой мыслью отец Никон руководствовался всегда. Поэтому его отношения с обращающимися к нему за советом отличались скромностью и простотой, что придавало общению с ним характер отеческо-дружеской беседы. У него не было «благословений»-приказов, требующих беспрекословного послушания. Он призывал очень опасаться приказывающих духовников. Ибо такое поведение священника является верным признаком гордости, а Бог гордым противится. И потому ожидать какой-то пользы от общения с таким духовником невозможно.

В вопросе, с каким духовником можно советоваться, игумен Никон ссылается на писания святителя Игнатия, который советовал:

«Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его – и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники – великая редкость. „Кому не извещается сердце, тому не открывай его“, – говорит великий наставник иноков преподобный Пимен, египетский пустынный».

При этом святитель предостерегает: «...душепагубное актерство и печальнейшая комедия – старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании – послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть...»

Игумен Никон повторяет как заповедь для верующих настоящего времени слова святителя Игнатия о единственно возможном характере отношений между духовником и ищущим духовного наставления: «По учению отцов, жительство... единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев; этот совет опять должно проверять по писанию отцов». В наше время нет послушников, говорил он, а тем более старцев-руководителей. Поэтому остается один путь – жить, советуясь с разумным, знающим святых отцов, искренним духовным другом. И большое счастье, если таковой встретится. Как писал святитель Игнатий: «Не только из среды мирян – из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и взвесил душу, с ним советующуюся, из нее, из ее достоинства, преподал бы ей совет». К сожалению, эта святоотеческая истина редко принимается как пастырями, так и пасомыми. Первые нередко заражены властолюбием, а вторых (прежде всего, женщин) редко интересуют вопросы духовной жизни, их беспокоят, как правило, проблемы бытовые, семейные, материальные и поиск чудес и прозорливцев.

Поэтому перед своей кончиной игумен Никон своим близким прямо сказал: «Никого не ищите». Однако они как-то не придали особого значения этим словам и искали. Но так и не нашли ни в ком его мудрости и силы, хотя встречали искренне благочестивых, отзывчивых, добрых, но находящихся в том, по-видимому, состоянии, о котором писал святитель Игнатий:

«Святой Макарий Великий говорит, что... встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном в отношении к тому состоянию, которое требуется и доставляется истинным подвижничеством. <...>

<...> В монастырях употребляется о таких старцах изречение: „свят, но не искусен“, и наблюдается осторожность в советовании с ними..... Чтобы не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев... <...>

Святой Исаак Сирий говорит даже, что такой старец „недостойн называться святым“»²¹.

На вопрос, как нужно относиться к спрашивающим, батюшка опять отвечал словами своего любимого учителя Игнатия: «Говорю только вопрошающим, и то, когда уверен, что вопрошают искренне, по требованию души, а не мимоходом или по любопытству».

* * *

Батюшка любил служить и относился к совершению богослужения, прежде всего Литургии, с особым чувством благоговения, что ощущалось всеми: и сослужителями в алтаре, и певчими, и молящимися. Совершал богослужение просто, сдержанно, сосредоточенно. Ни малейшей искусственности не было в его служении. Он вообще не переносил никакой вычурности в чтении, пении, поведении. «Артистам» делал строгие замечания, что, естественно, вызывало гнев любителей церковных «пьес», солистов и чтецов, жаждущих показать себя. Однажды такому «мастеру», начавшему читать шестопсалмие, так и не разрешил продолжать. Он запрещал петь некоторые песнопения, говоря, что это беснование перед Богом, а не молитва. Запретил, например, пение Херувимской «На разорение Москвы». Самые больные места, мешающие молитве в храме, говорил он, это клирос, где богослужение – лишь повод для концертов, и церковная лавка, где торговля превыше всего.

Батюшка часто повторял: церковным пением является лишь то, которое помогает молиться или, по меньшей мере, не мешает молитве. Если же песнопение не создает подобного настроения в душе, то оно, хотя бы и принадлежало самому прославленному композитору, есть лишь игра «ветхих» чувств, плоти и крови.

Он запрещал кому-либо входить в алтарь, а разговаривать в нем и подавно.

* * *

Очень внимательно относился отец Никон к исповедникам, особенно к приходившим редко, тем более впервые. Стесняющимся и не знающим, как исповедоваться, он помогал наводящими вопросами. При этом был очень мягок и деликатен. Он предупреждал молодежь, готовящуюся к священнослужению, что к исповеди нужно подходить очень осторожно, благоговейно и внимательно. Ибо исповедью священник может спасти человека, а может развратить и погубить, если начнет копать, особенно в плотских грехах. Человек должен грех назвать, а не его историю рассказывать, тем более упоминать и судить о других людях. Батюшка сетовал и на то, что многие верующие на исповеди вместо раскаяния в грехах начинают рассказывать о своей жизни, о своих житейских проблемах и многом другом, не имеющем никакого отношения к таинству Покаяния. Часто просто делают отчет о проделанных грехах, да еще пишут этот отчет на бумаге и зачитывают. Батюшка не одобрял такую практику, говоря, что исповедь не перечисление всего на свете (чего никто сделать не сможет), а раскаяние в том, о чем болит душа, что подсказывает совесть, а этого не забудешь. На исповеди нужно сказать самое глав-

²¹ *Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. СПб., 1905. Т. 1. С. 284–286.*

ное и прежде всего покаяться в тяжелых грехах, особенно в тех, которые совершены против других людей.

В то же время батюшка выражал сожаление, что многие из духовенства на исповеди обращают основное внимание не на нарушения заповедей Евангелия: на зависть, лицемерие, тщеславие, фарисейство, сребролюбие и прочее, а на внешние дела, на церковную дисциплину: все ли правила выполнил, как часто ходил в храм, сколько говел перед Причащением, не съел ли молочка в пост и т. п. Это хотя и необходимо, но такие нарушения не столь загрязняют душу, как грехи против заповедей Христовых. Батюшка говорил: «Комара отцеживают, а верблюда поглощают: правила можно вычитать, а причаститься в суд и осуждение».

Особенно батюшку расстраивало, когда слышал, как некоторые священники на исповеди чисто механически разрешают верующего от грехов, нисколько не беспокоясь о чистоте его совести. В результате люди начинают смотреть на исповедь как на какой-то обряд, а не таинство Покаяния.

Во время Литургии игумен Никон не исповедовал, совершал это Таинство или до нее, или, если исповедующихся предполагалось большое число (например, в Великий пост), накануне вечером. Он говорил: «Человек должен молиться во время Литургии, а не стоять в очереди».

Если у исповедующегося на совести было что-то тяжелое или он не причащался много лет, то батюшка такого человека сразу к Причастию не допускал, благословляя его сначала походить в течение какого-то времени на богослужения, а иногда откладывал Причащение до очередного поста. При этом батюшка давал ему небольшое домашнее правило: определенное количество земных (больным – поясных) поклонов и молитв Иисусовых или мытаря.

* * *

Батюшка часто повторял, что самые страшные враги священства – это, с одной стороны, человекоугодие, стремление понравиться народу, с другой – властолюбие, желание командовать людьми, иметь духовных чад (послушных рабов). Это стремление превращает священника в достойного сожаления фарисея, отвергнутого Богом и вызывающего осуждение и насмешки у людей. Такой священник, ищущий славы от людей, находится в прелести. Об этом батюшка говорил всегда с особой горячностью.

Разрушающей веру и Церковь считал отец Никон практику исполнения так называемых треб, когда священнодействия совершаются скороговоркой, неразборчиво, как-нибудь. Лучше уж меньше прочитать, говорил он, но с благоговением, отчетливо, понятно, нежели так кощунствовать над словами молитв и Словом Божиим. Но его требования такого чтения и пения при совершении таинств Крещения, Брака, Елеосвящения или молебна, панихиды и т. д., естественно, вызвали негодование у тех, кто считал, что главное – всё вычитать, что положено. А понимают ли при этом люди и молятся ли они, это не имеет никакого значения. Помню, как псаломщица-монахиня, которая вечно спешила и читала молитвы небрежно, скороговоркой, очень возмущалась на такие требования батюшки.

* * *

Отец Никон был очень строгим по отношению к себе (но не к другим). Вставал всегда не позже шести часов, ложился около двенадцати. В неслужебные дни утром до одиннадцати часов, времени завтрака, молился. Молился и днем, совершая пятисотницу (триста молитв Иисусовых, сто – Божией Матери и по пятьдесят Ангелу Хранителю и всем святым), приглашая иногда к этому и домашних. Ел мало. Вино пил очень редко, немного, по каким-либо особым случаям и только сухое.

У него был дар непрестанной молитвы. Обнаружилось это случайно. Однажды он так угорел в бане, что потерял сознание. И когда его несли, то окружающие с удивлением услышали, как он, не приходя в себя, непрерывно произносил молитву Иисусову. Особенно поражены этим были прибывшие медработники «скорой помощи».

Он не позволял сделать для себя какую-либо услугу, принести что-либо, убрать и т. д.

Считал, что без крайней нужды пользоваться трудом другого человека грешно. Он вменил себе в обязанность некоторые домашние и хозяйственные дела, например, в холодное время года загружал углем и потом вычищал котел, очень неудобный для пользования, делал парники, высаживал в них огурцы, помидоры, копал огород, обрабатывал плодовые деревья и кустарники, пилил и колол дрова и т. д.

С трудом, поскольку был очень больным, кряхтя, но всё делал сам. Четыре года, проведенные в лагере, чрезвычайно подорвали его здоровье. Более всего он страдал от болей в сердце, суставах рук, ног, пояснице. Но пока были силы, много трудился физически. Трудился до полного изнеможения, до пота, часто меняя белье.

Он вообще не выносил праздности и всегда чем-нибудь занимался. Посадил огромный сад в Вышнем Волочке, два сада в Козельске. В Гжатске не только посадил большой сад, но и из своего питомника снабдил всех желающих в городе яблонями, вишнями, грушами, смородиной. А желающих было много, поскольку батюшка всё раздавал бесплатно. Много пришлось ему проводить и строительно-ремонтных работ.

* * *

Вел себя батюшка чрезвычайно просто. С ним легко было разговаривать, несмотря на разницу в возрасте. Был рад, когда задавали вопросы по существу, особенно о духовной жизни. Не против был иногда и пофилософствовать, и побогословствовать. Но терпеть не мог пустых разговоров, воспоминаний, пересудов и т. п.

Часто, когда его младшие братья, племянники и близкие (лет на 30–40 моложе его) играли в городки, батюшка подходил к ним и быстро спасал отстающую команду. Никто из молодежи не мог превзойти его в меткости. В несколько бросков он выручал отстающих. Приходилось удивляться, как его больные руки оставались такими ловкими.

Был случай, когда в течение летних месяцев он чуть ли не ежедневно играл в шахматы с одним подростком. А затем вдруг не только перестал играть, но и назвал это бесовской игрой, отнимающей у человека драгоценное время. Потом мальчишка понял, что батюшка спас его в тот период от влияния улицы.

Батюшка очень любил ходить в лес. Летом за грибами с ним обычно собиралась целая команда, от мала до велика, поскольку в это время и к батюшке, и к его близким приезжали их братья, сестры, дети, внуки, племянники, знакомые. Было не только весело, но и полезно, поскольку на привале обычно начинались серьезные разговоры и давались ответы на многие вопросы.

* * *

Постоянным чтением игумена Никона были святоотеческие творения, отцы «Добротолюбия», жития святых, проповеди, толкования Священного Писания, редко – учено-богословские и философские сочинения. Особенно тщательно и постоянно он перечитывал творения святителя Игнатия (Брянчанинова) и настоятельно завещал изучать его в качестве истинного духовного отца всем своим духовно близким людям. Его творения батюшка считал лучшим руководством в духовной жизни для нашего времени, более даже необходимым, чем труды древних святых отцов. Ибо древние, говорил он, преимущественно обращали свое слово к

подвижникам, находящимся на высокой ступени духовного развития, до которых нам бесконечно далеко, а мы, не поняв этого и прочитав их советы, можем пойти совсем не туда. Святитель же Игнатий, в сущности, переложил для нас древних отцов с учетом глубокого духовного обнищания нашего времени.

Отец Никон много читал. Если ему в руки попадала интересная книга, то он не расставался с ней целый день, мог не спать и ночь, пока не прочитывал ее. Так, за одни сутки он прочитал «Старца Силуана» иеромонаха Софрония (Сахарова) и сделал ряд критических замечаний по поводу рассуждений автора. Зная французский и немецкий языки, он иногда читал и иностранную литературу.

Батюшка никогда не оставлял на будущее разрешение вопроса, возникшего при чтении Священного Писания. Сразу же брал имеющиеся у него толкования: святителя Иоанна Златоуста, блаженного Феофилакта, святителя Феофана (Говорова), архиепископа Никифора (Феоतोки), архимандрита (потом епископа) Михаила (Лузина), протоиерея Василия Гречулевича, Александра Иванова. Толкование отдельных мест находил в творениях святых отцов, преимущественно аскетических, которые постоянно и тщательно изучал.

Батюшка хорошо знал классическую литературу и древнегреческую, европейскую, русскую философию. Особенно ценил сочинения Ф. М. Достоевского, восхищаясь глубиной его анализа человеческой души. Говорил об отце Павле Флоренском, отце Сергии Булгакове, В. С. Соловьеве. Возмущался Н. А. Бердяевым. Хвалил А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и вообще первых славянофилов.

* * *

По отношению к людям игумен Никон был различным. С некоторыми разговаривал спокойно, других утешал, а иных и обличал. Это видно и по его письмам. Вообще он не знал, что такое человекоугодие, и очень не любил людей льстивых, лукавых. Последним от него обычно доставалось. Он говорил, что льстит тот, кто сам жаждет получить похвалу, и самый отвратительный человек – лукавый. Очень боялся дешевой народной молвы. Говорил, что ничего не стоит стать «святым» и увлечь народ: достаточно начать толковать Апокалипсис, говорить о конце света и антихристе, проползти на четвереньках вокруг храма. Особенно легко этого добиться, начав раздавать просфоры, соборное масло, святую воду и другие святыни с «рецептом» их применения при различных болезнях и житейских нуждах.

Народ всегда ищет чудотворцев, прозорливцев, утешителей в скорбях, целителей от болезней, пьянства, но очень редко – тех, кто помог бы ему избавиться от душевных страстей.

«Народ в своем подавляющем большинстве, – скорбел батюшка, – совершенно не знает христианства и ищет не пути спасения, не вечной жизни, а тех, кто бы помог ему что-то „сделать“, чтобы сразу избавиться от той или иной скорби». Приходящим к нему с подобным настроением он говорил:

«Не хочешь скорбей – не грехи, раскайся искренне в своих грехах и неправдах, не делай зла ближним ни делом, ни словом, ни даже мыслью, почаще храм посещай, не откладывая надолго причащение, молись, относись с милосердием к своим близким, соседям, прощай всех, тогда Господь и тебя помилует, и если полезно, то и от скорби освободит».

Некоторые после таких слов уходили недовольными, так как батюшка не сказал, какую молитву читать, или перед какой иконой молебен с акафистом заказать, или что «сделать», чтобы коровка молочко давала и муж не пил, но строго говорил о необходимости примириться со всеми, перестать воду подливать в молоко, прекратить воровать, лгать, обманывать.

* * *

Батюшка начал чувствовать особое недомогание зимой 1962–1963 годов. 1 ноября 1962 года он писал:

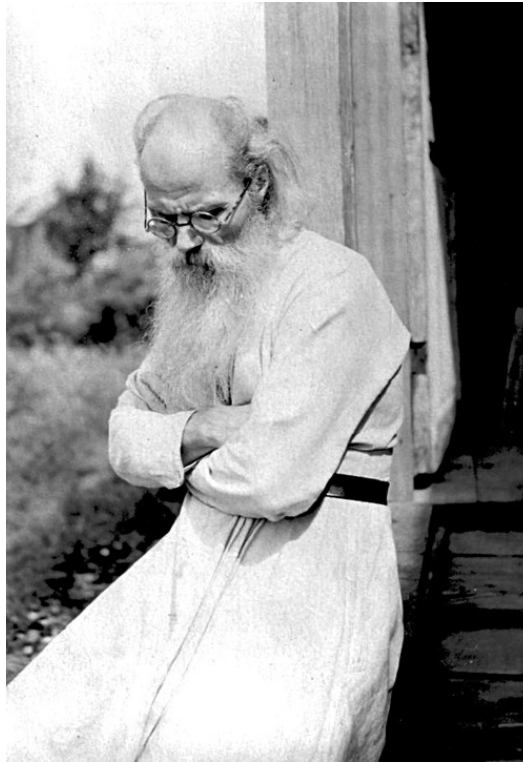
«Чувствую себя слабо, мысли о смерти не отступают от меня. Я вижу, что если доживу до 1963 года, то не проживу его. Лично для меня смерть желанна. Я знаю, что есть будущая жизнь, есть милость Божия к нам, есть для верующих в Господа Иисуса Христа несомненная надежда войти в блаженную, а не мучительную вечную жизнь».

Постепенно он всё больше слабел, скорее стал уставать, меньше есть. Перед кончиной он более двух месяцев не принимал никакой пищи. И до этого больше месяца ел только раз в день немного молока и ягод. Но никто не замечал в нем уныния или скорби. Он был спокоен, сосредоточен и большей частью даже с легкой улыбкой на лице. Почти до самой кончины был на ногах. Слег только за десять дней до смерти, окончательно обессилев. Врача вызывать не разрешил. Своим духовно близким и родным людям батюшка оставил завещание следующего содержания.

Очень прошу всех родных и близких твердо держаться православной христианской веры и прилагать до смерти все усилия ко спасению души через исполнение евангельских заповедей и частого (не меньше одного раза в год) исповедания грехов и причащения. В течение моей жизни я находил утешение в самых тяжких обстоятельствах и искушениях лютых – в вере в Господа Иисуса Христа и в молитве.

Прошу жалеть и любить друг друга, помогать взаимно в материальной и духовной нужде. Где мир и любовь – там Бог, там радость и спасение, а вражда и зависть от диавола. Спасайтесь.
13 августа 1963 г.

Под Успение Божией Матери игумен Никон в последний раз исповедовал своих близких. Сам, когда уже не мог дойти до храма, причащался дома. До смерти был в полном и ясном сознании и продолжал наставлять окружающих. Завещал хранить веру всемерным исполнением заповедей и покаянием, во всем следовать советам святителя Игнатия (Брянчанинова), особенно избегать суеты, совершенно опустошающей душу и уводящей от Бога.

Скорбящим у его постели говорил:

«Меня нечего жалеть. Надо благодарить Бога, что я уже окончил земной путь. Никогда мне не хотелось жить, не видел я ничего интересного в этой жизни и всегда удивлялся, как это другие находят что-то в ней и цепляются за нее из последних сил. Хотя я ничего не сделал за свою жизнь доброго, но искренне всегда стремился к Богу. Поэтому надеюсь всей душой на милость Божию. Не может Господь отринуть человека, который всегда всеми силами стремился к Нему. Мне вас жалко. Что-то вас еще ожидает? Живые будут завидовать мертвым».

Замечательны были те спокойствие и мужество, с которыми батюшка шел к своему смертному часу. Окружающие едва сдерживали слезы. Все видели, что он умирает, но никто не хотел в это верить. Сохранился текст прощального обращения игумена Никона к прихожанам храма Вознесения Господня в городе Гагарине, где он служил в последние годы (похоронили его там же, у алтарной апсиды).

Дорогие прихожане!

Почти 15 лет я служил в этом храме. Несомненно, кого-нибудь обидел, многие, может быть, остались недовольны мною. Вот, я отхожу в вечность и при гробе прошу прощения у всех. Сам я крайне доволен всеми прихожанами, от многих видел искреннюю любовь к себе. Благодарю всех, и любящих, и недовольных, всех благодарю и искренне у всех прошу прощения. Земно кланяюсь вам, простите меня ради Христа, не помяните злом.

Кто может, хоть изредка поминайте о упокоении грешного вашего священника.

Всё время я старался от всей души наставить вас на правильный путь. Большинство не понимает христианства. Некоторые поняли; поняли, что самое главное – понуждать себя к деланию заповедей Христовых и каяться в своих недостатках и нарушениях заповедей, каяться всегда, считать себя негодными для Царствия Божия, умолять Господа о милости, как мытарь: «Боже, милостив буди мне, грешнику».

Вот мой завет умирающего: кайтесь, считайте себя, как мытарь, грешниками, умоляйте о милости Божией и жалеите друг друга.

А кто из вас обидел меня, кто ненавидел (были такие) праведно или ложно, да простит вам всем Господь. От искреннего сердца прошу, чтобы Господь всех вас простил, и вразумил, и привел ко спасению.

Благословение Божие да будет со всеми вами вовеки. Поминайте меня, грешного. Аминь.
22 августа 1963 г.

Никаких жалоб от него не слышали. «Батюшка, больно?» – «Нет. Так, кое-когда неприятные ощущения». Купили на смерть тапочки. С веселой улыбкой примерил: «Вот хороши». Сделали покрывало на гроб – посмотрел и нашел ошибку в надписи. Увидел, как понесли гроб для него, и был доволен, что всё готово. Так умирают истинные христиане.

Когда спросили батюшку, как и где хоронить, он ответил: «Бесполезно говорить, потому что этого никогда не исполняют». Но когда ближние, уже определив (тайно от него) место для погребения, пришли к его постели, он сразу же спросил их: «Ну как, нашли мне место?» Вообще, в период последней болезни батюшка особенно часто удивлял своей прозорливостью. За несколько дней до кончины он неожиданно попросил найти и вслух зачитать то место в жизнеописании старца Амвросия Оптинского, где говорится о запахе тления, появившемся от его тела по смерти. Смысл этой странной просьбы открылся вскоре.

Последнее время мы беспокоились, как бы батюшка не умер в наше отсутствие. Но он твердо заверил нас: «Не беспокойтесь, не умру без вас. Когда надо, всех позову». И действительно, когда 7 сентября в полдень он тихо кончился, все собрались около него в эти минуты и со свечами в руках совершили отходные молитвы. Верно, всех он позвал.

В храме круглосуточно поочередно (по часу) над гробом читалось Евангелие. И вот во второй половине ночи на 9 сентября (день погребения) вдруг двое из читавших ощутили от гроба запах тления. Огорчение трудно передать: что же будет за Литургией, на отпевании, когда храм будет полон народа?

Однако произошло нечто удивительное. Запах ощущался только два часа. И затем уже при чтении Евангелия, совершении Литургии, отпевании, во время погребения его не было совсем! Так открылась тайна просьбы батюшки зачитать указанное место из жития преподобного Амвросия Оптинского. Запах тления удостоверил кончину отца Никона (бывают случаи и летаргического сна). А неожиданное и полное прекращение признаков тления – явное действие благодати Божией, явное чудо.

Храм в день погребения был переполнен, как на Пасху, люди стояли со свечами. Это было неудивительно – люди искренне переживали и пришли почтить и молитвенно проводить в вечность своего любимого наставника. Другое поразило очень многих. Особая, тихая и непонятная радость царила во всё время совершаемых заупокойных богослужений. Родные и близкие игумена Никона с удивлением говорили, что весь этот день прощания с самым дорогим человеком неожиданно оказался для них днем не скорби, но необычного большого праздника, торжества.

Невольно вспоминаются слова святителя Игнатия: «Видел ли кто тело праведника, оставленное душою? Нет от него зловония, не страшно приближение к нему; при погребении его печаль растворена какою-то непостижимой радостью. Черты лица, застывшие такими, какими они изобразились в минуты

исшествия души, иногда почивают в глубочайшем спокойствии, а иногда светит в них радость усладительных встречи и целования – конечно, с Ангелами и с ликами святых, которые посылаются с неба за душами праведников».

Вечная память тебе, дорогой наш Батюшка!

Из писем игумена Никона

Господь да вразумит тебя и оградит от всякого зла. Живем в страшное в духовном отношении время.

Игумен Никон

* * *

Только христианство делает человека нормальным, как было со святыми. Норма человека – Христос. *Живу же не кто-му аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2: 20). Если же большинство не может достичь до такой степени, то сознают свое извращение и исправляют искаженные восприятия и взгляды по тем, кто достиг в меру возраста Христова.

* * *

О наших временах давно сказано отцами, что люди будут спасаться только скорбями и болезнями. Здоровые да счастливые забывают о Боге, о будущей жизни: живут, словно вечно будут жить на земле и никогда не умрут. А скорби и болезни заставляют человека оторваться от земных интересов и обратиться к Богу.

* * *

Помните, что во всех обстоятельствах, при любых внешних и внутренних условиях цель достигается многими скорбями, терпением, усилием (нудится), протискиванием через узкие врата, по тесному пути. Нет легкого пути! Мысль, что при других внешних обстоятельствах будет легко, – ложная мысль, от лукавого. Терпением вашим стяжите души ваши (см.: Лк. 21: 19).

* * *

Есть свои духовные законы в мире нравственном, как и в видимом мире. Основной закон: многими скорбями подобает войти в Царствие Божие. Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет. Слышишь? Кто хочет вслед за Христом достичь Царствия Божия, должен с большим и длительным мучительством подавлять в себе все дурные проявления нашего „ветхого человека“ и терпеть всякие скорби и болезни. Бесконечная премудрость Божия каждому человеку для его исцеления, очищения и спасения посылает свой крест в соответствии с его характером и свойствами, и силами. Если мы без ропота несем свой крест, каемся в своих грехах, не оправдываем себя, то, подобно благоразумному разбойнику, войдем в Царствие Божие.

* * *

Возблагодарим же Спасителя нашего, пришедшего на землю, пострадавшего за нас. Не будем роптать, когда Господь пошлет нам скорби и болезни, ибо это и есть та наша звезда, которая ведет нас ко спасению.

* * *

В притче о хозяине, нанимавшем работников (см.: Мф. 20: 1—16), сказано, что пришедшие в единонадесятый час получают плату наравне с проработавшими весь день и даже раньше их. Эта притча применима к нам, современным монахам и искателям Царствия Божия, проведшим весь день земной жизни нерадиво. Однако, по крайнему милосердию Своему, Господь призывает нас в последний период жизни поработать в Его винограднике терпением старости, болезней, потерей близких или их страданиями. Если же безропотно понесем эти тяготы, то и нам вменится это кратковременное страдание, как работникам единонадесятого часа, как будто бы мы подвизались всю жизнь. Более того, Антоний Великий, авва Исхирион и другие утверждают, что спасающиеся в последние времена безропотным терпением скорбей будут прославлены выше древних отцов.

* * *

Твердо держитесь Церкви и учения святых отцов. В каких бы сомнениях ни были – твердите себе про себя, а иногда и вслух (чтобы бесы слышали): «Господи Иисусе Христе, верую, что Ты – Сын Божий и Господь, что Ты всячески пострадал, чтобы спасти нас, верю, что и меня не оставишь, если я сама сознательно не отрекусь от Тебя. Господи, будь милостив ко мне. Предаю себя и свое спасение в Твои руки. Верю, что не попустишь погибнуть мне. Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже!»

* * *

Вы должны руководиться святым Евангелием и святыми отцами, а не изменчивыми, лживыми мнениями людей мира сего.

* * *

Скорби и болезни помогают человеку оторваться от суеты земной и больше прилепиться к Богу. Не унывай зря. Предавайся в руки Божии. Не осуждай никого, имей со всеми мир, и Господь утешит тебя.

* * *

Читай больше Евангелие и особенно святых отцов, без чтения трудно спастись. Чем на пустое тратить время, не лучше ли и не интереснее ли поучаться от святых отцов.

* * *

Нельзя понять Евангелия без святых отцов. Епископ Игнатий (Брянчанинов) пишет, что святые отцы должны привести христианина к пониманию Евангелия. Но они приведут лишь тогда, когда человек начнет соответственно жить, бороться с собой, следить за собой, бороться со всякими греховными помыслами, словами, влечениями, делами. И если он будет так бодрствовать над собой, то почувствует и необходимость советов святых отцов и в Евангелии увидит в сокращенном или прикровенном виде всё их учение. Но нужна действительная, а не

мечтательная, как в тумане, жизнь и борьба с собой. И вот когда человек постепенно начнет отходить от обычного, т. е. совершенно рассеянного, погруженного исключительно во внешний мир, образа жизни и будет внимать себе, будет стремиться идти путем Евангелия, то святые отцы сделаются ему крайне необходимыми, своими родными, теми, которые непосредственно говорят душе, и она воспринимает это с радостью, утешается.

Вопрос. Но почему многих святые отцы не могут ни заинтересовать, ни удовлетворить?

Ответ. Это потому, что у них душа мертвая, занята другим, захлавлена суетой и страстями. Это – полумертвые люди, и они не чувствуют жизни. Жизнь же во Христе: Я есмь путь и истина, и жизнь (Ин. 14: 6). Но в это нужно не просто верить, а нужно почувствовать сердцем, что здесь, во Христе, и есть и жизнь, и путь, тогда душа будет радоваться, утешаться и тянуться, как ребенок к матери, к святым отцам, дающим человеку Христа – этот истинный Хлеб жизни.

* * *

Что мы сделали для духовной жизни? Ничего. В лучшем случае какие-нибудь внешние дела, не затрагивающие наших страстей, нашего «я». Слова Божия не знаем, святых отцов не знаем, сами не молимся и не подвигаемся, занимаемся всю жизнь пустяками. Господь и говорит: Не отягощайте сердца ваши объядением, пьянством и суетой житейской (см.: Лк. 21: 34). Суетясь, человек, кажется, никаких грехов и не делает. В действительности же он полностью забывает Бога и становится безбожником в прямом смысле этого слова. Кто шахматами, кто спортом, кто телевизором, кто чем закрывается от Бога и остается без Него.

А телевизоры, радио – всё это сатана придумал, чтобы отвлечь человека от Бога. То человек помолится бы, а то он цирк какой-нибудь смотрит или чьи-то кривляния или известия со всего мира собирает, и каждый день всё новое. Совершенно ясно: суетой забил всех сатана.

Только проснулся человек, как уже новости со всего света. Одевается, умывается человек, а голова уже набивается пустым хламом, жвачкой, которой сыт не будешь. А там на работу – тоже некогда о Боге вспомнить.

После работы – магазины, еда, питье, домашние дела. А здесь уже очередные передачи по телевидению, радио. И, набитый уже до отказа всякой всячиной, человек в полу-нормальном состоянии ложится спать.

Помолиться, конечно, некогда. Тем более – почитать Священное Писание или святых отцов. А если человек и станет на молитву, то молиться он уже не сможет – ни внимания, ни сокрушения сердечного, ничего нет. Так человек в своей суете весь день служит дьяволу. Недаром в утренней молитве читаем: «Избави мя от дьявольского поспешения».

Вот это «дьявольское поспешение» и губит окончательно человека. И губит часто не какими-то даже большими грехами: воровством, прелюбодеянием, а губит суетой. Если мы не с Богом, значит, с дьяволом. Порядочного человека трудно заставить сделать что-то преступное, явно безнравственное, вот дьявол и добивается своей цели другим путем – опутывает человека суетой.

* * *

Сдерживай свой гнев, проси у Господа сил и способности не прогневать Его, вспоминай чаще, какое бесчестие и какие муки претерпел Господь ради нашего спасения, а мы чем отвечаем Ему?

* * *

Если мы носим Его имя, то где наши дела во имя Его? Не противоречат ли они тому, что должно быть? А раз так, то будем без ропота терпеть хоть находящие скорби, если не налагаем на себя вольных подвигов, если не исполняем заповедей. Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов; и не себе угождайте.

* * *

Не слушай безбожников. Они ничего не знают, от них всё сокрыто, как от слепых. Не разговорами постигают Бога и тайну будущей жизни, а подвигом, исполнением заповедей и глубоким искренним покаянием.

* * *

Не читай безбожных книг, не беседуй с безбожниками, иначе сильно повредишь себе и навлечешь излишние скорби. Святая Церковь решительно запрещает не достигшим духовной силы эти беседы и чтение. Враг возбуждает безбожников начинать эти беседы, а тебе будет подавать мысль, что ты можешь обратить их к вере в Бога, что ты обязан пожалеть их, спасти от гибели и проч. Это хитрость вражия. Ты сам чуть не погиб. Нужна была очень сильная вера, а не слова, чтобы вразумить тебя. То же думай и о других. Если тебя пожалел Господь, так и всех жалеет и всем хочет спасения, лишь бы человек хоть немного сам искал, где правда, где ложь.

* * *

Господь хочет спасения каждому человеку. Но не каждый человек хочет спасения на деле. На словах все хотят спастись, а на деле отвергают спасение. Чем отвергают? Не грехами, ибо были великие грешники, как разбойники, как Мария Египетская и другие. Они покаяться в своих грехах, и Господь простил их; таким образом они получили спасение. А погибает тот, кто грешит и не кается, а сам себя оправдывает в грехах. Это самое ужасное, самое губительное.

Господь говорит: *Не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9: 13). Что это значит? Слово Божие говорит, что *нет праведного ни одного* (Рим. 3: 10); *все... до одного негодны* (Рим. 3: 12). Все грешны, и чем святее человек, тем больше он видит в себе грехов. Господь и пришел призвать к покаянию и через покаяние спасти грешников, то есть тех, кто сознает свои грехи, кается пред Господом, просит прощения. А кто или не видит своих грехов, или сам себя оправдывает лукаво, тех отменяет от Себя Господь. Так отверг Господь и осудил еще на земле фарисеев, которые считали себя праведниками, даже примером для других. Страшно такое состояние. Избави Бог от этого каждого человека.

Преподобный Сисой Великий просил пришедших за его душой Ангелов помолиться, чтобы Господь дал ему еще пожить для покаяния.

Преподобный Пимен Великий говорил: «Поверьте, братия, где будет сатана, туда буду ввергнут и я». А он (Пимен Великий) воскрешал мертвых. Так и все угодники до самой смерти оплакивали свои грехи, свой неоплатный долг пред Богом.

А мы из-за самолюбия скрываем грехи свои, оправдываемся, лукавим, когда одной ногой стоим уже в гробу. Мариша, еще раз говорю: просмотри всю свою жизнь, покайся во всем, что сознаешь. Проси со слезами, как просит Святая Церковь, с земными поклонами: «Даруй ми

зрети моя прегрешения». Если человек не видит своих грехов, это не значит, что их нет у него. Это значит, что человек не только во грехах, но еще и в слепоте духовной. И если духовник или вообще посторонний человек обвиняет нас во грехах, то не оправдываться нам надо, а умолять Господа, чтобы Он открыл нам наши грехи, дал покаяться в них до прихода смерти и получить здесь, на земле, прощение.

Пока не поздно, займись душой своей. Перестань излишне суетиться, проси от Господа открыть тебе грехи и покаяться в них. Еще раз говорю: если не сознаёшь грехов, это не значит, что их у тебя нет.

* * *

Пожалей себя; проси, чтобы открылись твои глаза и увидели бесчисленные грехи твои и не видели грехов чужих. Да вразумит тебя Господь и помилует.

* * *

Не думай, что легко увидеть свои грехи. Недаром Святая Церковь с земными поклонами учит нас молиться: «Даруй ми зрети моя прегрешения». Так учит потому, что грех и диавол ослепляют человека, усыпляют его, чтобы он не прибег к покаянию и погиб.

* * *

Особенно надо следить за собой, чтобы быть мягким, добрым в отношении ближних своих. «Наше спасение в ближнем», – говорит прп. Пимен Великий. Это значит, что если человек имеет правильное отношение к ближнему, т. е. исполняет святую заповедь: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22: 39), то через это обязательно будет в силах исполнять и все прочие заповеди, и главную из всех – заповедь любви к Богу. Нельзя любить Бога, относясь плохо хотя бы к одному человеку. Это вполне понятно. Любовь и неприязнь не могут быть в одной душе: или та, или другая. Если будет любовь к ближним, то она породит и любовь к Богу. Та и другая таинственны и далеко не то, что мы знаем из отношений «ветхого человека». Только опыт покажет человеку глубину заповедей, по мере обновления души, через их исполнение.

* * *

Господь посетил вас болезнью, конечно, потому, что она была необходима для вашего спасения. *Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14: 22) – таков закон духовный. Апостолы, мученики, преподобные, все святые вошли в славу через многие великие скорби. *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр. 12: 6). Очевидно, что нет иного пути в Царствие Божие, как путь узкий, крестный, поэтому и вы должны не унывать при болезни и слабости, а паче радоваться духом, утешаясь мысленно, что Господь стал к вам ближе теперь, а в будущем и совсем сделает Своими детьми, если до конца останетесь Ему верными и без ропота понесете всё скорбное, что Он найдет нужным послать вам. *Претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10: 22).

* * *

Давид, Авраам, Иов, все святые считали себя червями, землей, хуже демонов. Почему? Потому что приблизились к Божественному Свету, в котором и увидели свою грязь и ничтожество. А мы потому и не видим этого, что далеки от Бога, даже внутренне скрываемся от лица Божия, как скрылись Адам и Ева после грехопадения. И мы постоянно повторяем это, вместо того чтобы обнажить пред Богом свои язвы и просить прощения и исцеления.

* * *

Как мы относимся к ближним, так и Господь к нам отнесется в день гнева...

* * *

...Все мы испорчены: делаем, думаем, говорим не то, что надо. Но есть и лекарство от этого – покаяние. Что под силу, то надо делать, а в недостаточности, в ошибках и прочем искренне каяться, с ближними мириться, Богу молиться. А требовать от себя больше, чем мы можем, есть признак или гордости, или неведения.

* * *

Не стройте своих планов, а если и постройте, не пытайтесь их осуществить во что бы то ни стало, своей силой. Всё равно будет не так, как Вы думаете и хотите, а так, как найдет полезным для Вас Господь. Мало веровать в Бога (*и бесы веруют* (Иак. 2: 19)), а надо творить волю Его, надо предать себя Его Промыслу, надо отречься, вернее, отречься постоянно от своей воли ради Божией воли, надо, следовательно, поступать по заповедям Божиим (это и есть творить волю Божию). А в нарушениях каяться всегда, непрестанно, до самой смерти, сознавая себя неоплатным должником пред Богом, и просить милости Божией, как мытарь, и благодарить Бога за всё, за спасение мира и за собственное, ибо, истинно, Господь сделал и делает всё, чтобы спасти весь мир и каждого.

* * *

Все люди – существа падшие, однако осознать это разумом только – недостаточно. Надо осознать сердцем и, заплакав об этом раз, продолжать всегда на молитве плакать пред Богом, раскрывая всю свою порчу, всю болезнь во всех видах и проявлениях. От этого обязательно рождается мягкое отношение к другим людям, хотя и долго могут быть еще вспышки гнева или иных страстей. Однако другого пути нет. Исаак Сирий говорит: иди путем, проложенным страдальческими стопами святых. Своего пути не придумаешь. Это наука точная.

* * *

Не было случая, чтобы Господь отказал когда-либо кающемуся в прощении. Только тогда Господь не прощает нам, когда мы сами не прощаем другим. Поэтому помиримся со всеми, чтобы Господь помирился с нами. Простим всем, чтобы и Господь нас простил.

* * *

Никто сам не спасся, а Спаситель у нас у всех один. Человек может только желать спасения, а сам спасти себя не может. Надо желать спасения, сознав себя погибающим, негодным для Царствия Божия (*егда сотворите вся повеленная...* (Лк. 17: 10)), и это желание спасения надо показать Господу мольбой к Нему и посильным исполнением воли Его и постоянным покаянием.

* * *

«Нет греха непрощительного, кроме греха нераскаянного»²². Все наши грехи, большие и малые, – камень, брошенный в море милосердной любви Божией. Погибнет лишь тот, кто сам хочет погибели.

* * *

Борись со всеми, с самыми малыми грехами. Кто неверен в малом, тому не доверят большого. А то диавол так и внушает: «Это пустяк, это мелочь», – а про более важное: «Где же нам с этим бороться. Это для „подвижников“». ²²

* * *

Нам, новоначальным, неопытным, не имеющим духовных руководителей, надо знать одно: сами мы не можем побороть и победить страсти и бесов, но должно, однако, бороться с ними по силе своей и непрестанно во время падений призывать Господа на помощь. *Обышедше обыдоша мя* (враги и страсти), *и именем Господним противляхся им* (Пс. 117: 11). Ни сами Вы своей силой не поборете, ни другой человек тем более не может помочь Вам побороть их, а только Господь. Следовательно, надо больше молиться с благоговением, с сокрушением сердечным, исповедуя Господу свои грехи, страсти, свое бессилие и испрашивая прощения и помощи. От такого делания скоро ощутите спокойствие и мир душевный, смирение некоторое и решимость всё терпеть ради Господа и ради своего спасения.

* * *

Все усилия желающего жить духовно должны быть направлены к достижению смирения. Без этого качества все подвиги, самые великие, не только бесплодны, но и губительны. Начинающие этого не видят и не могут видеть. Из большого дерева осветится солнцем маленькая веточка, и человек думает, что уже всё светло, а между тем всё дерево во власти тьмы и князя тьмы (пример прп. Макария Великого).

Условия внешней жизни надо предпочитать те, которые постоянно указывают нашу тьму, нашу полную испорченность, гораздо большую, чем обычно думают не только мирские люди, но и так называемые духовные. Надо познать себя до конца. Познать не только испорченность, но и бессилие самому исправить ее. Тогда только человек от всей души прилепится к Спасителю, будет взывать к Нему, как утопающий апостол Петр. Тогда он перестанет осуждать и дру-

²² *Авва Исаак Сириянин. Слова подвижнические.* М., 1858. Слово 2. С. 12.

гих людей, а с любовью к ним будет терпеть их недостатки, тогда перестанет роптать, если его обидят, оклеветают, будут распинать, а скажет искренне: достойное по делам моим приемлю (см.: Лк. 23: 41).

* * *

Мерою духовного роста человека является его смирение. Чем выше духом человек, тем он смиреннее. И наоборот, чем смиреннее, тем выше. Смирение приближает человека к Богу. Без смирения все, даже величайшие, подвиги не только не полезны, но могут и вовсе погубить человека. А в наше время можно видеть, что чуть-чуть человек побольше помолится, почитывает Псалтирь, держит пост – и уже мнит себя выше других, осуждает ближних, начинает учить, когда не просят, и проч. и этим показывает свою духовную пустоту и удаление от Господа *на страну далече* (Лк. 15: 13). Бойся высокого мнения о себе.

Господь Иисус Христос говорит, что, если и всё предписанное сотворите (т. е. исполните все заповеди), считайте себя рабами неключимыми и что сделали лишь то, что были обязаны сделать (см.: Лк. 17: 10). А спасение есть дар Божий смиренным и сокрушенным сердцем. Вот и надо просить у Господа смирения.

Со смирением никак не совместимы осуждение ближних и обидчивость. Если мы осуждаем других или обижаемся, когда нас чем-либо оскорбят, то у нас вовсе нет никакого смирения. Святые подвижники искренне благодарили тех, кто обижал и оскорблял их, так как терпением обид они учились смирению. Мать Божия утверждает, что Господь избрал Ее ради Ее смирения. Сам Спаситель призывает всех научиться от

Него смирению; не посту, не молитве, даже не любви к ближнему, а смирению. Только через смирение человек делается в един дух с Господом, смирившим Себя до оплеваний, заушений и крестной смерти. Само собой понятно, что мы обязаны всеми силами стараться исполнять и все заповеди, но опять повторяю, что без смирения они или бесполезны, или вредны.

* * *

До конца жизни приходится каждому человеку бороться со своим ложным, падшим «я». Самый успех в духовной жизни измеряется глубиной смирения. Нужны постоянная борьба самого человека для приобретения смирения и великая помощь от Бога. Без помощи Божией человек никогда сам не приобретет смирения. Вот почему надо как от руки Божией (так это и есть) принимать всякие унижения, оскорбления, обиды, даже падения – всё содействующее подавлению нашего «я» – не с ропотом, а с благодарностью. Даже и при таком действовании до конца жизни человек не может вполне освободиться от тщеславия и высокоумия. Без смирения же человек не может без вреда для себя получить и какие-либо дарования Божии. Вот почему и предсказано, что в последние времена ввиду усилившейся гордости люди будут спасаться только терпением скорбей и болезней, а подвиги от них будут отняты.

* * *

О молитве. Вы старайтесь со вниманием говорить слова молитвы. Если рассеиваетесь, то укорите себя, откройте себя Богу и опять понуждайте себя со вниманием говорить слова молитвы. А сердце постепенно будет смягчаться и хоть иногда, но отзовется сокрушением, а может быть и слезами. Эти минуты всецело отдавайте молитве и не слушайте врага, который найдет тысячи причин отойти от молитвы и будет понуждать заняться чем-либо другим.

Читайте о молитве Игнатия Брянчанинова. Особенно много во втором томе, а также и в первом.

Мысль, что рассеянная молитва – *молитва его да будет в грех* (Пс. 108: 7), есть от диавола²³. Всячески он старается отвлечь от молитвы, зная, какое благо получает человек от нее. Усматривайте козни врагии и не слушайтесь его.

* * *

В состоянии полного охлаждения и омрачения души надо обязательно выполнять правило, несмотря на холодность, рассеяние и проч. «Дай кровь и приими дух».

* * *

...Всякий, оставляющий правило молитвенное ради излишней суеты и увлечения земного, начинает служить мамоне, идолу, изменив Господу своему, Творцу и Владыке, Который говорит: Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, и всё приложится (см.: Мф. 6: 33), не заботьтесь излишне о том, что вам есть, и пить, и во что одеваться. Я Господь ваш, заботящийся о вас (см.: Мф. 6: 25–26). А мы Господу не верим, слушаем древнего змия, тянущего нас к земле, чтобы вместе с ним ползать на чреве в прахе суетных помыслов и деяний.

* * *

Вполне это понятно, точно так же и то, что утром и вечером на молитве одолевают житейские помыслы, так что приходит на ум и вовсе бросить это занятие, как будто бы бесплодное. Совершенно ясна рука бесовская. Обычно он так делает: под разными предложениями отклоняет от молитвы, если это не удастся, то посылает разные помыслы, сначала хорошие, потом суетные, если не отогнал сразу первых, затем вводит незаметно дурные, нечистые, а затем внушает бросить вовсе молитву, нашептывая, что ведь совершенно бесполезно так молиться, один, мол, грех только от такой молитвы.

Не слушай этих бесовских внушений. Никто сразу молиться чисто не научился. Это дело долгих лет и милости Божией. Надо всегда принуждать себя к молитве и, приняв некоторое посильное правило, обязательно (кроме исключительных случаев) выполнять его. Это постоянное выполнение хотя бы малого правила может, по словам преподобного Исаака Сирина, оградить от великих падений. Имей это в виду. Именно в период особого нашествия помыслов и нужно принуждать себя к молитве. Это приблизился враг, и не время опускать руки, а с особой горячностью, с сознанием своей немощи взывать к Господу, чтобы Он помог изгнать врага. *Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (т. е. врагам) (Пс. 117: 11). Сами мы, только своими силами, ничего не можем творить, но если боремся ради Бога, принуждаем себя на делание заповедей с постоянным призыванием имени Господня, то Он и посылает нам помощь Свою, и после бури дает мир и покой душам нашим...

Слово пророка: проклят всяк творящий дело Божие с небрежением (см.: Иер. 48: 10) – никак не относится к молитве в случае нашествия помыслов. Нужно со всем благоговением, вниманием, сознанием своего недостойнства предстоять пред Господом в молитве – это верно, а будет ли молитва чистая или будет одолеваться, по попущению Божию, за грехи наши или в наше обучение разными помыслами – это не в наших руках. Мы обязаны бороться, а успех

²³ Потому от диавола, что у всех начинающих молитва всегда бывает с рассеянностью. И по этой причине прекратить молиться – значит вообще остаться без Бога.

предоставим Господу. За терпеливое пребывание на посту, в борьбе, в сражении Господь венчает Своих подвижников.

Еще скажу: не ищи радостей в молитве или в Причащении. Можешь в этом жестоко обмануться. «Рукою смирения отвергай приходящие радости, чтобы вместо пастыря не принять тебе волка», – говорит преподобный Иоанн Лествичник. Ищи покаяния, сокрушения сердечного, а всё прочее предоставь Господу. Без покаянного чувства, без сокрушения сердечного, которых *Бог не уничтожит* (Пс. 50: 19) – всё прочее или уже есть обман, прелесть, по терминологии отцов, или ведет к прелести...

Признаком правильности духовного делания является всё усиливающееся сокрушение духа, сознание своей греховности, испорченности, бессилия – словом, нищета духа (см.: Мф. 5: 3). Это первая ступенька лестницы блаженств, ведущей на небо. А за этим идут плачущие, кроткие (см.: Мф. 5: 4–5) и т. д. Всему свое время и место. Кто в начале пути ищет высокого, тот никогда ничего не получит, а примет миражи вместо действительности и заблудится.

* * *

Терпи, молись, борись с грехом, смирайся, укоряй себя во всем и не вини других, не оправдывай себя. Не давай воли языку, глазам, слуху. Не осуждай никого. Дело спасения не одним днем делается. Во всех трудностях обращай к Богу с молитвой. Кто ищет угодить Богу, тот не будет оставлен Богом, лишь бы мы не оставили Его. Читай ненасытно Евангелие с молитвой о вразумлении и исполняй по силе, что там повелевается, а в чем нарушишь заповедь евангельскую, в том сокрушайся и проси прощения. Всё делай по совести и дома, и на службе. Не празднословь. Терпи.

* * *

Посильное делание заповедей евангельских вне и внутри себя, бодрствование и сокрушенная молитва Иисусова – вот оружие непобедимое, доступное, я скажу, единственно доступное для нашего времени. Это делание держит человека всегда в духовном напряжении, не связывает ни с книгами, ни с жилищными условиями, ни со здоровьем даже. Всюду, всегда (разве только когда углубится в какое занятие, требующее сильного внимания) оно доступно.

* * *

Большинство современных христиан не понимают значения исполнения заповедей евангельских. Для них это мораль, которую они отвергают за трудность или так приспособливают к своим страстям и похотям, и суете житейской, что от евангельских заповедей ничего Христова не остается. Это хитрость дьявола, погубляющего мнимых христиан.

* * *

Хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, Господе нашем, гонимы будут (см.: 2 Тим. 3: 12). Это закон внутренней духовной жизни. Кем будут гонимы? Врагом спасения нашего – дьяволом и людьми, поддающимися внушениям бесовским. Как гонит дьявол? Главным образом разжиганием страстишек, живущих в нас: чревоугодия, сластолюбия, блудных ощущений, раздражительности, гнева, печали, уныния, тщеславия, гордости и проч., и проч. Гонит внутренне, усиливая и разжигая страсти, всевая разные греховные или пустые помыслы, особенно во время молитвы. Гонит и через людей, мешая молитве, возбуждая ближних против

нас самыми разнообразными способами. Особенно если видит, что кто-либо стал стремиться к исполнению заповедей. Тогда он посылает полчища бесов, чтобы помешать человеку в деле спасения. Я тебя предупреждал, что это будет, несомненно, и с тобой.

* * *

Есть страсти явные: чревоугодие, блуд разнообразный, сребролюбие, печаль, уныние, гневливость, тщеславие, гордость, неверие, зависть, лживость, осуждение ближних и проч., и проч. Со всеми ими последовательно ученику Христову и приходится бороться, побеждаться и побеждать, а это требует напряжения сил, терпения. Это часто бывает настоящим мучением, крестом, от которого уйти никуда нельзя. Одно из двух – или человек без борьбы отдается им, изменяет Христу, выбрав мир и его жизнь, или борется, страдает и через это растет духовно.

* * *

Гордость – самая глубокая, самая скрытая, самая трудная, даже для обнаружения, а тем более для искоренения, страсть. Сам Бог гордым противится, потому что гордость коренится в глубине личности и определяет ее, а все прочие грехи находятся на периферии личности, легче усматриваются и легче искореняются.

* * *

Можно и из гордости исполнять почти все заповеди и быть врагом Бога.

* * *

Всегда будь равнодушен к похвалам. Если примешь похвалу, то будешь незаметно стараться и впредь угождать людям, и можно незаметно стать фарисеем. Артисты все живут похвалой. То же бывает и со многими из духовенства. А кончается это враждой и ненавистью. Учит этому Евангелие.

* * *

Еще советую: благодари Господа за всё в жизни; ибо и доброе, и тяжелое, радость и скорбь посылает Господь для нашей пользы, для спасения.

* * *

Сохраняй мир внутри себя, а потом и с ближними. Всех жалею, ибо все больны одной болезнью – удалились от Господа и подпали под действие врага. А как на кого он влияет – не так уж существенно. Важно осознать, где находишься, и идти правильным путем.

* * *

...Сохраняйте мир любой ценою, пусть пострадает дело, но сохранится мир.

* * *

Никакая правда земная не может оправдать вражду.

* * *

По мнению епископа Игнатия и по предсказанию святых отцов, нашему времени дан особый путь спасения, соответственно состоянию всего человечества, именно: спасется тот, кто: 1) сохранит веру, 2) без ропота будет терпеть все скорби и искушения и, 3) сознавая свои немощи, смирится. Нашему времени нельзя дать подвигов вследствие гордости, проникшей в каждого человека.

* * *

Надо подогревать душу молитвой и чтением духовных книг. Апостол предупреждает: духа не угашайте. Если в лампаду не подливать елей, то она потухнет, так и душа. Молитва, чтение, добрые дела поддерживают горение духа, а без них, как тело без пищи, угасает дух, тогда человеком овладевают бесы, и бывает последнее горше первого.

* * *

Всем ближним прощай, если тебя кто обидит; всех желей, делай по силе всем добро и чаще (особенно внутренне) призывай имя Божие, и таким образом, как по ступенькам таинственной лестницы, будешь восходить к духовному совершенству и найдешь великую радость еще здесь, на земле.

* * *

Если мы осуждаем других или обижаемся, когда нас чем-либо оскорбят, то у нас вовсе нет никакого смирения. Святые подвижники искренне благодарили тех, кто обижал и оскорблял их, так как терпением обид они учились смирению.

* * *

Человек, который упорно себя оправдывает, а других винит – находится на ложном пути: он или не сделает никакого успеха в духовной жизни, или неминуемо будет в сетях прелести. Наше спасение не в подвигах, а в сознании, глубоком, искреннем, сердечном сознании своей греховности, испорченности, бессилия самому исправиться. Из этого сознания родится сокрушение, плач и некоторое смирение и т. д.

Если же нет этого сознания, да еще (Боже, сохрани!) есть самооправдание – то все будут все труды, они даже породят высокоумие и гордыню. Итак, в малом и большом, в житейских делах и в духовном, сама с собой и в сношениях с людьми старайся себя ставить на последнее место (по Евангелию не садиться на первое место) – и тогда получишь мир душе своей и прочее, что выше говорилось, а с ними или через них и спасение.

* * *

Еще очень прошу тебя: не осуждай никого, а для этого старайся ни о ком не говорить ничего: ни худого, ни хорошего. Это самый легкий способ не быть осужденным на том свете. Ибо Спаситель Господь Иисус Христос обещал: *Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены* (Лк. 6: 37). Один человек, монах, жил очень нерадиво, а когда стал умирать, то был в радости духовной и нисколько не страшился смерти. Когда старцы стали его расспрашивать, какие у него тайные добродетели, что он умирает как великий праведник, то он ответил: «Господь меня известил, что всё мне прощает и не осуждает за грехи мои, потому что я сам никого не осуждал».

Вот и ты иди этим легким путем.

* * *

Психика человека такова, что ему необходимо для спасения терпеть скорби, поэтому Господь и попускает их, несмотря на Свою любовь к человеку. Но не попускает сверх сил. Затем: в скорбях скрыта радость и любовь к Богу, если скорби принимаем и терпим без ропота, с благодарностью. Без скорбей человек не смирится, не покается глубоко, не стяжает любви к Богу.

* * *

Думай чаще о смерти и живи так, как будто ты через неделю умрешь, тогда понемногу станешь на правильный путь и в еде, и в молитве, и в отношении к другим людям.

* * *

Покаянием, терпением и смирением спасайте души ваши. Покаянием, потому что мы постоянно согрешаем, терпением – ибо сказано: *Претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10: 22), и смирением – ибо *смирением Бог дает благодать* (Иак. 4: 6).

* * *

Никогда не отчаивайтесь и не теряйте надежды на Бога. Не слушайте врага. Ищущему Бога всё будет содействовать ко спасению. Мы все в падении. Но есть у нас Спаситель, Который прощает кающихся и не отталкивает от Себя. *Грядущего ко Мне не изжену вон* (Ин. 6: 37). Любовь Божия преодолагает наши грехи и немощи, если мы смиряемся, сознаем эти немощи и искренне просим прощения.

Из интервью с проф. А. И. Осиповым

– Что дает Православие верующему?

– То же, что дает любому человеку правильно избранный путь жизни. Истины православной веры дарят человеку ключ к решению самых основных проблем его жизни.

И первое, и главное заключается в том, что Православие отвечает на один из самых волнующих вопросов, который так выразительно сформулировал Пушкин: «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?» Этот вопрос рождается не из праздного любопытства, но из самой природы души человеческой, несогласной с бессмыслицей смерти. Ведь, если «я» бесследно исчезает, что же тогда значит жизнь? Если она является таким же естественным явлением, как сон и прочее, то откуда эта неистребимая жажда жизни, порождающая страх смерти? Почему человек готов отдать всё, лишь бы остаться в живых?

Без веры в Бога и бессмертия все эти вопросы остаются без ответа. Ибо вера в свою вечную смерть, в невозможность оценить плоды своей деятельности действительно полностью обесмысливает жизнь. Она превращается в мыльный пузырь, лопающийся от малейшего прикосновения и бесследно исчезающий. Осознание этого порождает тяжелейшие психические переживания, отчаяние, самоубийства. Особенно страшна, невыносима трагедия смерти, когда у живущего такой верой возникает ясное понимание, что всё кончено, наступил неотвратимый момент навечно расстаться с жизнью и со своими любимыми, своим богатством, славой, властью.

Православие, напротив, своим учением о бессмертии личности открывает смысл этой жизни, смысл труда и творчества, смысл как радостей, так и страданий, смысл самой смерти. Потому Ф. М. Достоевский писал: «... без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, немислимо и невыносимо. <...>... Только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле».

Становится понятной и приобретает глубокий смысл неразрешимая, кажется, загадка мига земной жизни и всех ее превратностей, если человек твердо верит, что эта жизнь не случайность, а лишь ответственный подготовительный этап к входу в бесконечность своего бытия. Ибо здесь и сейчас ему дана возможность осуществить свою свободу в выборе между добром и злом, показать свое отношение к совести, к святости, к истине и тем самым определить свое состояние на всю вечность.

Но какова будет вечность по православному учению? И здесь открывается еще одна радостная грань Православия. Оно говорит, что Своей крестной смертью Христос смерть поправил, ад разрушил и врата вечной жизни теперь открыты не только праведнику и святому, но и великому грешнику, когда он осознает гибельность своего духовного состояния и обратится к Божественному свету и истине. Самый яркий пример и доказательство этой радостной вести – распятый справа от Христа бандит, который первым вошел в рай. Ибо Христос – Спаситель всех людей (см.: 1 Тим. 4: 10), как Он Сам сказал: *И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин. 12: 32) (выделено мной. – А. О.).

Второе. Вера в Бога-любовь совершенно изменяет самосознание христианина в окружающем мире, его отношение ко всем жизненным трудностям, болезням, к смерти.

Он знает, что в жизни нет случайностей, что всё происходит по премудрому Закону любви, который и есть Бог. И потому даже тяжелые страдания и испытания оцениваются верующим не как неизбежный рок или какая-то случайность, не как происки врагов, чья-то несправедливость или месть, и даже не как наказание Бога за грехи, но как естественное следствие своей недолгой жизни, нарушений по собственной воле ее духовных и нравственных законов. Но Бог и здесь готов оказать человеку помощь при его обращении к Нему и исцелить его от тех ран, которые он нанес себе безумным отношением к законам природы души и тела, к

голосу своей совести. Ибо Бог – это любвеобильный Врач, а не карающий палач! Такое убеждение дает твердость человеку в перенесении даже самых трудных обстоятельств жизни.

Третье. В отличие от всех мечтательных образов совершенного человека, создаваемых в литературе, философии, психологии, Православие предлагает реальный его образ. Это – Христос. История показала, что этот Образ оказался в высшей степени благотворным для множества людей, следующих Ему в своей жизни. Дерево узнается по плодам. И искренне принявшие Православие, особенно те, которые достигли духовного совершенства, святости, лучше всяких слов засвидетельствовали своим примером, что оно делает с человеком, как изменяет его душу и тело, ум и сердце. Они открыли миру богоподобную красоту души человеческой, показали, что такое истинное человеческое совершенство. Православие превращает человека в носителя любви – высшего для человека состояния радости и блаженства.

Четвертое. Ничто так не мучает человека, как его собственные страсти: раздражение, злоба, зависть, уязвленное самолюбие, гордыня, мстительность, алчность, пьянство, жажда власти, богатства и т. д. Как избавиться от этих страшных врагов? Православие предлагает эффективные и бесконечное количество раз проверенные средства освобождения от их рабства, открыв путь и законы духовной жизни. Знание их и следование им приносит не просто исцеление от этих тяжелых духовных недугов, но и достижение того состояния, о котором писали все прошедшие такую терапию: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2: 9).

Пятое. Какие премии, ордена, звания и славу получают ученые за открытые ими законы материального мира, часто не имеющие никакого практического применения в личной жизни человека! А вот законы духовной жизни, знание которых имеет глубоко жизненное значение, поскольку каждый человек постоянно находится в поле их действия, соприкасается с ними ежечасно и ежеминутно, остаются неизвестными, хотя нарушение их имеет неизмеримо более серьезные и трагические для него последствия, нежели любых других. Отсюда и происходит то, о чем так хорошо написал иеромонах Роман (Матюшин):

Сеем рожь, а косим лебеду,
Непрестанно ищем виноватых.
Строим рай, а вертимся в аду,
Узнавая в ближнем супостата.

Православие открыло многие из этих законов. Приведем примеры.

Христос говорит: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6: 33). Что значат эти слова? Это совсем не призыв к исканию райских кущ и небесных наслаждений, как нередко предполагает наивное сознание. Речь идет о необходимости познания законов жизни этого Царства – познания заповедей Евангелия, которые в практической жизни сводятся, прежде всего, к стремлению во всем, всегда и по отношению ко всем поступать по закону любви: никогда не делать, не мыслить и не чувствовать по отношению к другому человеку того, чего не желаешь себе (см.: Мф. 7: 12). *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6: 31).

С другой стороны, Христос предупреждает и о бедственных последствиях для человека, когда он подчиняется страстям, о которых апостол Иоанн Богослов сказал: *Всё, что в мире: похоть плоти* (сладострастие), *похоть очей* (богатство) *и гордость житейская* (власть и слава), *не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин. 2: 16).

Таким образом, призыв Христов к исканию, прежде всего, Царства Божия открывает одну из важнейших истин человеческого бытия – закон о том, что жизнь по совести, по правде и заповедям Евангелия принесет человеку радость не только в вечности, но и здесь, на земле. И, напротив, жизнь бессовестная, наполненная похотями и гордыней, неминуемо наказывает

человека страданиями и тела, и души. Об этом писал, например, И. Кант: «... чем больше просвещенный разум предаётся мысли о наслаждении жизнью и счастьем, тем дальше человек от истинной удовлетворенности»²⁴.

В Евангелии читаем: *И, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь* (Мф. 24: 12). Этот закон указывает на одно из серьезных явлений в человеческой психике. Что более всего наполняет душу человека радостью и счастьем? Конечно, любовь. И этот закон утверждает прямую зависимость силы любви в человеке от его нравственного состояния. Безнравственность, оказывается, уничтожает в душе чувство любви, душа становится опустошенной, эгоистичной, и в результате различные пороки приобретают усиленное развитие. Об этом законе писал один из крупнейших психоаналитиков XX века К. Юнг: «Сознание не может безнаказанно мириться с торжеством аморального, и возникают самые темные, подлые, низменные инстинкты, не только уродующие человека, но и приводящие к психическим патологиям»²⁵.

Естественно, трудно найти любовь в душе безнравственного человека, в обществе развращенном. В них господствует лишь жестокий, холодный эгоизм, в котором уже нет сердца, нет души. Трудно жить в такой атмосфере, но она всё более надвигается на современный мир.

Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится (Мф. 23: 12). В жизни постоянно можно наблюдать, как требующий себе особого почета, внимания, уважения и прочее, выставляющий себя перед другими, хвастающийся своими делами и успехами, бывает унижен и оскорблен, прежде всего, отсутствием, с его точки зрения, подобающих ему похвал, наград и чести. Схиигумен Иоанн Валаамский писал: «Всегда так бывает, что кто сделает с тщеславием, жди бесславия»²⁶. При этом в возвышающих себя необыкновенно развивается зависть, и они ищут любого повода, чтобы в прямом смысле слова унижить подобных себе искателей славы, что приводит, как правило, к ссорам, оскорблениям, клевете.

Напротив, скромность, незаносчивость, сдержанность во всем – евангельское унижение себя, всегда вызывает уважение к человеку, действительно его возвышает, приносит ему общественное признание.

Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу? (Ин. 5: 44). Этот закон указывает на прямую зависимость состояния христианской веры в человеке от его отношения к возникающим в душе страстям, особенно таким, как стремление к славе, чести, власти и т. д. Под верой в данном случае, естественно, подразумевается не «веренье», как выразился А. С. Хомяков, то есть формальное признание истин христианской веры, которые известны и бесам, а чистота жизни по этой вере. Ибо можно быть и так называемым воцерковленным человеком, имеющим даже любые звания и степени и священный сан, но жажда похвал, славы убивает у такого человека веру и превращает его или в лицемерного, лукавого фарисея, или в «христианина», открыто ведущего безбожный образ жизни.

Святой Исаак Сирийский формулирует еще один из важнейших законов духовной жизни: «Нет способа возбудиться в душе **божественной любви**... если она не препобедила страстей»²⁷. Речь здесь идет не об обычной, естественной, любви, присущей любому человеку, не потерявшему чувства добра, но о той особой любви, которая возгорается в душе, очищенной от всех греховных страстей. Она делает человека богоподобным, потому и называется Божественной. Это переживание любви святой Исаак передает как «возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. <...>... И не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда, или малой печали, пре-

²⁴ Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 230.

²⁵ Юнг К. Психология бессознательного. М., 2003. С. 24–34.

²⁶ Письма валаамского старца схиигумена Иоанна. Клион, 2004. С. 206.

²⁷ Авва Исаак Сирийский. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 55. С. 372–373.

терпеваемых тварюю. А посему, и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву. с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем Богу. <...> Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворятся сим.»²⁸.

Понимание этого закона особенно важно для христианина, ставшего на путь подвижничества. Ибо незнание того, что истинная любовь возможна только на пути очищения души от страстей и достижения смирения, может легко соблазнить подвижника на преждевременное ее искание, на попытку искусственно вызвать в себе чувство любви, применяя различные психофизические упражнения. Однако возбуждаемая человеком любовь и та, которую святые называют Божественной, имеют принципиально различную природу. Незнание этого и принятие первого состояния за второе приводит подвижника к сомнению, гордости, к бесовской, по выражению святых отцов, прелести. Святитель Игнатий (Брянчанинов), ссылаясь на преподобного Иоанна Лествичника, писал: «Любовь, возжженная, питаемая Святым Духом – огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением. Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя»²⁹. Поэтому святой Исаак Сирий, как и другие отцы, с такой силой предостерегает от этой ошибки, приводя примеры прельщенных аскетов. Яркий пример – католические святые, но таковые есть и среди тех православных, которые забыли путь святых отцов.

Православная Церковь со всей силой предупреждает о губительности прелести. Напротив, католичество возводит это заблуждение в ранг высочайшей святости. Этим оно, прежде всего, проложило глубокий и уже непреодолимый водораздел с Православием.

– Возможно ли сохранить свою душу и мысли чистыми, когда окружающая жизнь наполнена грубостью, пошлостью, тщеславием, развратной модой, разного рода безнравственностью? Как защитить себя от этой грязи?

– На этот вопрос нет общего ответа, поскольку у всех разные жизненные обстоятельства, разные духовные задатки, разное воспитание и т. д. Но в принципе он решаем. Полезно познакомиться с жизнью замечательных людей хотя бы XIX века, например, святителя Игнатия (Брянчанинова), А. С. Хомякова, братьев Киреевских, братьев Аксаковых и других, которые находились в условиях не многим лучше сегодняшних, но уберегли себя. Да и сегодня еще сохраняются люди с незапятнанной душой. Нужно не падать духом, но чаще молиться краткой, завещанной святыми отцами молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня» и каяться в душе своей, чаще читать труды того же святителя Игнатия, письма игумена Никона (Воробьева), валаамского старца схиигумена Иоанна (Алексеева). Человеку, который искренне стремится к чистоте душевной и телесной, Бог обязательно поможет. Но важно помнить и о следующем.

Существует определенная психологическая закономерность, которую можно назвать *законом резонанса*. Этот закон состоит в том, что ни одно впечатление внешнего мира или внутренних переживаний не исчезает из нашей души, ибо человек, как компьютер с бесконечной памятью, сохраняет в своем подсознании абсолютно всё. И эта информация не только сохраняется, но и вызывает соответствующий *резонанс* в душе, влияя на наше психологическое и нравственное состояние, на поведение, деятельность, отношение к людям и всему окружающему миру. Так что всё, что мы увидели, услышали, почувствовали, пережили, о чем подумали и т. д., обязательно (часто незаметно, а нередко и очевидно) оказывает воздействие на нашу душу, наше настроение, наши решения, хотим ли мы того или не хотим.

²⁸ Там же. Слово 48. С. 299–300.

²⁹ *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Сочинения. СПб., 1905. Т. 1. С. 124.

И это воздействие будет тем большим, чем сильнее впечатление, чем глубже «погрузились» мы сами в соответствующую «картину» своими мечтами, чувствами, желаниями, чем с большим осознанием и страстью мы совершили что-либо словом, делом, мыслью.

Психологи утверждают, что в человеке несколько уровней подсознания, на которых хранится вся полученная им информация. Важно то, что она по неизвестным нам законам иногда может неожиданно всплывать в сознании, вспоминаться, производя на душу то или иное воздействие в зависимости от характера явившихся «картин». С помощью определенных психофизических методов можно и искусственно вскрывать эти уровни и доводить воспоминания до мельчайших подробностей. Но здесь много загадок и возможностей серьезнейших ошибок, связанных с использованием спецтехнологий. Кстати, возможности телевизионного зомбирования с помощью этих технологий почти безграничны, и это еще один фактор воздействия на наше сознание. Поэтому нужно избегать просмотра телепередач, чтобы не подвергнуться какой-либо атаке. Думаем, что посмотрели и забыли? Ошибаемся.

Всё в нас остается, и не просто остается, но и дает о себе знать, да еще как подчас! И очень жаль, что мы или не знаем этого, или не думаем об этом. Впуская в себя пакостные картины, злые, лукавые мысли и чувства, мы жестоко наказываем самих себя.

Человеческое подсознание – это «подполье», которое мы можем превратить в клоаку, отравляющую своими испарениями нашу душу, или, напротив, заполнить благоуханными цветами. Какие тяжелые, гнетущие состояния может испытывать человек, который идет против совести, хорошо знают священники, принимающие исповедь.

Нередки случаи, когда закоренелые преступники от неожиданно вспыхнувших в них картин прежних злодеяний и возникших страшных мучений совести впадали в тяжелейшую депрессию и кончали жизнь самоубийством.

Поэтому необходимо внутренне не участвовать в том, что против совести, что противоречит нравственному чувству. И никак нельзя забывать молитву! Молитва помогает выработать иммунитет против всевозможных грязных воздействий на нашу душу.

– Почему мы столько лет ходим в храм, а жизнь наша не меняется? Какой должна быть правильная духовная жизнь, как нужно жить христианину?

– Вы задали чрезвычайно важный вопрос, который касается практически всех верующих. Действительно, можно сто лет ходить в храм, а в результате, как в песне поется, «каким ты был, таким остался». Почему так происходит? По очень простой и печальной причине: понимание Православия мы свели к исполнению лишь формы церковной жизни. Ходим в храм, ставим свечи, подаем записки, читаем молитвы, соблюдаем посты, исповедуемся, причащаемся, венчаемся... Такого христианина называют воцерковлённым. Но при всём этом может оказаться, что за многие годы он, по существу, ни разу и не помолился, и не покаялся, и не причастился.

Обычно мы молимся, когда нас постигает какая-то болезнь, скорбь, когда предстоит что-то ответственное, о самом же главном – об избавлении от страстей и грехов наших – молимся редко. Но без молитвы покаяния не может быть никакой духовной жизни – речь идет не о *вычитывании* молитв, а о самой *молитве*, которая только тогда таковой является, когда совершается с вниманием, благоговением и покаянием. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что «без внимания молитва – не молитва. Она мертва! Она – бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие».

Духовная жизнь невозможна без решимости жить по всем заповедям Евангелия и без искреннего покаяния в их нарушениях. Если же этого нет, если о заповедях не помним, а выполняем лишь внешние церковные обычаи и обряды, если не боремся с завистью, тщеславлем, неприязнью и прочими страстями, которым нет числа, если, как кажется, каемся, но потом спокойно продолжаем жить по-прежнему, то, естественно, никакого духовного изменения в нас произойти не может. Не может быть добрых изменений, когда исповедь превращаем в отчет по записке о проделанных грехах, без покаяния и решимости не повторять их. Ничего

не изменится в душе, если и причащаемся просто по обычаю в праздники. А где же борьба со страстями, где любовь к ближнему, в котором наше спасение, как пишет святой апостол Иоанн: *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин. 4: 20). Вот почему мы и остаемся без плода.

– В самое большое сокрушение меня приводит то, что, будучи врожденной эгоисткой со слабым характером, я никогда не могу выполнить заповедь Господа нашего: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Но, если дела ближних мне неинтересны, мне никогда не стать настоящей христианкой, хоть я и пытаюсь. Как выйти из такого положения?

– Вы открыто сказали то, о чем обычно умалчивается. Но нужно понять, что никто не достигал той нормы идеального человека, которая нам дана: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5: 48). Однако мы должны делать то, что можем, смиряться в том, чего не можем, и каяться в том, что нарушаем. И если бы мы действительно искренне хотели совершенства и делали то, что в наших слабых силах, то увидели бы, как Господь освобождает нас от страстей и дает силы противостоять им. Так что не будем опускать руки, но будем помнить, что *Царство Небесное силою берется* (Мф. 11: 12).

– Что такое святость?

– Православие рассматривает святость как высшую ступень духовного исцеления и развития человека, которое имеет и две более низкие ступени: первую условно можно назвать **спасенностью**, а вторую – **праведностью**. Поэтому прежде чем говорить о святости, как третьей и высшей ступени духовного очищения человека, необходимо сказать об этих двух.

Первая, низшая, ступень ярко изображена в Евангелии, когда Христос разбойнику, справа от Него распятому, у которого, образно говоря, руки по локоть были в крови человеческой, говорит: *Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23: 43). Но рая удостоиваются святые, а за что же ему рай?

Если посмотрим на евангельский контекст, то не раз встретимся с подобным же странным явлением. Так, мытаря, сборщика налогов, налево и направо обманывающего своих собратьев, или блудницу, взятую в явном грехе, Христос оправдывает и ставит даже в пример строгим исполнителям закона Божия книжникам и фарисеям: *Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие* (Мф. 21: 31). Они впереди, а не вы! (Фарисеи – это иудеи, принявшие обеты строгого исполнения всех религиозных требований, наподобие христианских монахов.)

В чем дело, почему такая странная оценка? Ревностные, кажется, исполнители закона Божия, то есть самые воцерковлённые люди, подвергаются Спасителем резкому осуждению: Он называет их ехиднами, змеями (см.: Мф. 23: 33), гробами окрашенными (см.: Мф. 23: 27). А открытых нарушителей заповедей Господних, явных грешников оправдывает! В чем причина?

Фарисеи и законники осуждаются за то, что они, будучи исполнены мерзости всех страстей: гордыни, лицемерия, тщеславия, зависти, лжи и других, тем не менее видели себя праведными, достойными наград земных и небесных. Поэтому у них не было покаяния, очищающего душу от грехов. Они не нуждались в Спасителе и отвергли Его.

Оправдывает же Господь тех грешников, даже явных, которые плакали о своих беззакониях и от всей души каялись. Приведем яркий пример из Евангелия. *И вот, женищина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром* (Лк. 7: 37–38). И женищина слышит: *Прощаются тебе грехи... Вера твоя спасла тебя, иди с миром* (Лк. 7: 48, 50). История христианства показывает множество подобных фактов. О таких нарушителях запове-

дей, но искренне поверивших и раскаявшихся писал апостол Павел: *А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность* (Рим. 4: 5).

Оказывается, такой человек, хотя и действительно грешный, но увидевший и осознавший свои мерзости и внутренне отвергнувший их, раскаявшийся, получает спасение. В этом заключается первая, важнейшая и спасительная, ступень духовного развития человека. Такому, по слову Спасителя, открываются двери рая.

Что представляет собой **вторая** ступень святости – **праведность**? Праведен тот, кто старается жить по совести, правде, проявляет милосердие к людям, никого не обижает, не угнетает. О таких Христос сказал: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. <...> Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5: 6–7, 10). То есть праведными являются те, которые искренне стремятся жить по золотому правилу: *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7: 12), и осознают свою греховность, нечистоту своих дел и приносят искреннее покаяние. Ибо праведный еще не совершенен, в нем еще живы страсти (гнев, тщеславие, зависть, недоброжелательство, осуждение и др.), и потому он не может иметь совершенной духовной чистоты. Его состояние, естественно, выше состояния живущего греховно (как, например, евангельского разбойника, мытаря, блудницы), тем не менее его праведность еще не то, что можно назвать духовным совершенством, святостью.

Святость – это чистота ума и сердца от всех страстей, это глубина смирения, это особая причастность Духу Святому и тому огню Божественной любви, о которой сказал Господь: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12: 49). Об отличии святости от праведности пишет святой Георгий Затворник Задонский: «Не от видимых злых воздержание совершенство есть, но очищение от оных ума, – сие истинное совершенство есть»³⁰.

Достижение такой святости возможно только при наличии особых внешних условий: отказа от семейной жизни, имущества, от всех связей с мирской деятельностью, с мирскими людьми – от всего, что рассеивает ум, мешает умному деланию (молитве), внутренней сосредоточенности, поскольку в том вихре дел, работы, суеты и забот, в которых обычно находится мирской человек, она невозможна. Такая жизнь издревле называется монашеской. И только монахи-подвижники достигали совершенного бесстрастия, становились причастниками Духа Божия. Это состояние и именуется в Церкви святостью в полном смысле этого слова.

Церковь канонизирует, то есть причисляет к лику святых, и не достигших подобного совершенного состояния. И это она делает, чтобы показать грешникам, каковыми являются все люди, что для них открыта дверь к спасению через искреннее покаяние; чтобы призвать праведных к осознанию своего недостойнства и смирению; чтобы подвигнуть способных к подвигу борьбы со своим ветхим человеком оставить всё земное ради искания Царства Божия, сокрытого в глубине сердца человеческого (см.: Лк. 17: 21).

³⁰ Георгий Затворник. Письма. СПб., 1894. Ч. 1. С. 84.